

Избранное

О любви

М. ВЕЛЛЕР

М. ВЕЛЛЕР

Михаил Иосифович Веллер

О любви (сборник)

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168037*

*О любви: АСТ, АСТ Москва; М.: 2006
ISBN 5-17-038335-5, 5-9713-2698-8, 978-5-17-038335-1*

Аннотация

Все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнитель и многоженцы по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Зная все повороты наизусть.

Удивительные вещи происходили вечно по причине ея.

Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты.

«Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством.

Содержание

Она	5
«Чуча-муча, пегий ослик!—	5
Любит – не любит	14
1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.	14
2. Вот так встречается волшебник.	17
3. Сердце мальчика и боль мужчины.	23
4. Скулящему не сочувствуют.	33
5. Что такое камелек?	35
6. Так что же такое любовь, в конце концов?	38
7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.	45
8. Как слегка попортить личную жизнь.	46
9. Информация – безусловно основа интуиции.	53
10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.	55
11. Как устранить соперника?	59
12. Я вас насквозь вижу!	61
13. Знакомые бывают крайне некстати.	63
14. Если друг оказался вдруг...?	67
15. Еще пара таких друзей – и врагов не понадобится.	71

16. Вещественные доказательства оспаривать трудно.	73
17. Не ищите женщину – она найдется сама.	75
18. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда узнаешь, что Рождество бывает только раз в году.	80
19. А не ходи в наш садик, очаровашечка.	84
20.	87
21. Умными мы считаем тех, кто с нами согласен.	89
22. Меценат в кругу семьи.	92
23. Последствия женских советов.	96
24. Уехать в Эстонию не так просто.	100
25. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.	107
26. Не имей сто рублей.	112
27. Женские преимущества.	116
28. Как теряют батальон.	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Михаил Веллер

О любви (сборник)

Она

«Чуча-муча, пегий ослик!—

Вот видишь, все-таки я написал тебе письмо. Много-много лет я собирался это сделать. С тех самых пор, как мы с тобой расстались, и навсегда. Чтоб никогда больше не увидеться.

Меня нет больше на свете, милая. То, что еще осталось – совсем не тот я, которого ты любила и помнишь. Только вместилище – память и чувство. Прошло много лет, и я понял это. И ты тоже поняла, правда? Потому что тебя, той, что была, тоже нет больше. Мы стали другими, по отдельности друг от друга, без смирения и сроднения с переменами любимого, на разных дорогах, в разных жизнях.

Время обточило нас на разных станках, и наши миры стали разными.

Если даже предположить сумасшедшее, невозможное, что мы встретимся – это не будет иметь никакого значения. Мы будем искать и желать друг в друге то прежнее, что знали и

чувствовали когда-то. Стараться увидеть и обрести то родное, чем мы были.

Это странное ощущение. Как будто не было всех этих огромных прошедших лет, прожитых вдали и по-разному, как будто годы и годы прошли в некоем параллельном, другом, нереальном измерении, не имеющем отношения к тому, что жило внутри нас и между нами, и вот сейчас мы встретились – и продолжаем жить вместе с того самого момента, когда расстались. Словно расстались совсем недавно, вчера, неделю назад.

И когда мы расстанемся вновь, то в памяти друг друга снова будем теми, что когда-то, молодыми, здоровыми, красивыми и веселыми, в полете и силе жизни, даже когда она боль, потому что еще огромность впереди, – а эта встреча, она останется так, сбоку, маленьким боковым ответвлением, ничего не меняющим.

У меня было когда-то так много слов для тебя, так много, что я не мог остановиться говорить их. Это не от болтливости, и не от того, что мне было легко и неважно, бездумно, говорить их – а от того, что мы были вместе так мало, так мало, считанные дни, милая, а я думал о тебе так много, всю жизнь, и разговаривал с тобой – без тебя – всю жизнь, и при встречах мне не хватало времени сказать тебе все, что так хотелось, так надо было.

Не было дня, когда я не разговаривал бы с тобой. Вся моя жизнь состоит из двух половин: первую я тебя ждал, вторую

я тебя помнил.

Я писал это письмо много лет, очень много. Ночами, глядя в темноту, и в поездах, куря в тамбуре, и в толчее улиц, и просто в свободную минуту. Так странно: и пел гондольер в Венеции, и играл скрипач в Иерусалиме, и светилась Эйфелева башня, и в бессонницу в тундре под храп бригады доносил разбитый транзистор: „Лишь о том, что все пройдет, вспоминать не надо“. Тогда еще я умел плакать.

Ты плачешь по мне, милая? Ты меня помнишь?

Всю жизнь я пытался понять тебя, и понять себя, и в тысячный раз вспоминая давние события находил в них новые детали, открывал новые мотивы и тайные причины.

Я очень любил тебя, милая. Я и теперь люблю тебя. Но теперь это уже точно не имеет никакого значения. Вот уж теперь-то точно поздно.

Когда-то, в той жизни, ты сказала – лето, и Ленинград, и тополиный пух: „Поезд ушел“. И я ответил: „Ну, такой поезд я на пальце потащу за веревочку“.

Когда-то – лето, комнатуха, простынь, плед на окне завязан сыромятным ремешком скотогона на калмыцкий узел – ты спросила: „А тебе надо, чтоб я тебя любила? Или – тебе и так... устраивает?“ Я не нашел ответа, было слишком много верных и все про одно, они промелькнули мгновенно, каждый главный и единственный, не выбрать, так больно, и печально, и быстро колотилось сердце, и я сумел только на выдохе: „Господи, дай мне любви этой девочки, и больше

мне от жизни ничего не надо“.

С тех пор я всю жизнь отвечал на этот вопрос. Из всех в мире вариантов „да“ я искал один, чтоб ты поняла, как мне это было надо.

Я сказал тебе: „Ты любишь меня. Когда ты сходишь по мне с ума, и прибегаешь, бросив все, и обнимаешь, прижимаясь в отчаянье, и глаза твои сияют, и ты моя, и ты стонешь со мной, и ты делаешь каждым касанием навстречу то же, что делаю я, и чувствуешь то же, что чувствую я, – ты любишь меня, и знаешь это, всем естеством, и я это знаю и чувствую всем собой, потому что нет этого иначе“.

Ты боялась попасть в плен. Ты боялась поверить до конца, до последнего дюйма. Ты не могла жить в мире ни с кем, потому что никогда не жила в мире с собой. Жизнь кипела, искрилась, брызгала в тебе, и всего хотелось, и всего было мало. Ты была такая светлая и радостная. С тобой было светло.

Никого в жизни я не понимал так, как тебя; не чувствовал так, как тебя; не читал, как открытую – для меня одного! – как тебя.

– Какие у тебя сияющие глазищи!..

– Это только для тебя...

В унисон, в фазу, в масть. Я оборачивался и открывал рот, и ты говорила: „Ага, какая весна, да?“

Ты жутко боялась остаться одна, состариться без мужа, без семьи, и поэтому произносила речи о скуке и однообразии семейной жизни, в защиту свободы и приключений.

Ты предчувствовала свое будущее и боялась признать поражение хоть в чем-то. И так ясно слышались в твоём голосе слабость и желание, чтоб тебя опровергли, уверили, успокоили, что ты будешь надёжно и спокойно любима всю жизнь, и при этом будет все, что только можно придумать прекрасного, интересного, необычайного, и ни при каких условиях ты не будешь брошена – даже если сама из самолюбия, противоречия, злости сделаешь все, чтоб – наперекор себе же – остаться одна: не останешься, тебя всегда сумеют понять, принять, примирить, сделать так хорошо и оставить с собой, как в глубине души ты сама больше всего хочешь.

Я научился понимать, правда? А это единственное, что у меня осталось, главное мое занятие, это вся моя жизнь: помнить, знать, понимать. И это – огромная, огромная, неохватная жизнь! уверяю тебя...

В полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг, тебя укрыл бы я плащом от зимних выюг, от зимних выюг, и если б дали мне в удел весь шар земной, весь шар земной, с каким бы счастьем я владел тобой одной, тобой одной... вельветовые джинсы, латунный подсвечник, водка от ночного таксиста, гитара, оленья шкура, рукопись и Беломор... Письма пишут разные, слезные, болезненные, иногда прекрасные, чаще бесполезные, в письмах все не скажется, и не все услышится, в письмах все нам кажется, что не так напишется.

Мы были очень похожи. Мы были молоды, красивы, са-

моллюбивы, любимы многими, жадны до жизни и веселья, мы мечтали о морях-океанах, собирались напрямиком на Гаваи, в пампасы... мэм-сагиб.

„Между нами всегда оставался ну самый последний миллиметр?“ – сказала ты. Через много лет я ответил: „Он оставался внутри тебя“. Его ты так никогда в жизни и не преодолела, не бросилась в омут очертя голову, не отдала себя всю безоглядно и без остатка, и поэтому не обрела взамен и одновременно все, совсем все, что тебе так надо было, без чего ты так никогда и не стала счастлива.

Теперь этот миллиметр растянулся в неведомые тысячи километров, в другое измерение. И твой голос, низкий, нежный, грудной: „Здравствуй, заяц. Ну, как живешь?“

Живу.

Твои попытки журналистики, литературы, кино – какая ерунда... Но я так любил, так трясся, так видел в тебе только все самое лучшее, что подыгрывал тебе, подлаживался, льстил – и удивительно, в этом было больше правды, и мы оба, как всегда, точно чувствовали меру правды и фальши в моих словах, и в твоих тоже.

Ах, как просто: тебя устраивала твоя жизнь. Ты сказала честно. Так хотела: и приключения, и надежный базовый аэродром, и свобода маневра, и романтическая любовь с разлукой...

О черт, но ведь главное, на что я купился, главное, что было мне дороже всего в тебе – потрясающая чуткость, от-

зЫвчивость, чистота тона: на каждое мое движение, каждое слово, каждый жест – ты поступала именно так, как было истинно, как я хотел больше всего, мечтал. До тебя – я полагал, что чувство никогда не может быть полностью взаимно. И вдруг оказалось – может... В резонанс, в такт, в один стук сердца.

Все в тебе – ерунда по сравнению с главным, потрясающим, данным от Бога: ты женщина, каких почти не бывает. Ты рядом – уже свет праздника, радости, любви, счастья. Взглядом, улыбкой, жестом, интонацией, беглым поступком – ты дарила мужчине полное ощущение того, что он – желанен, значителен, интересен, достоин, что он – тебе и всем! – единственный такой, мужественный, сильный, красивый, замечательный. Это не было сознательным воздействием – это шло от твоей сущности, от жадного и радостного приятия жизни, веры в нее, и эту радость и веру ты естественно, как дыхание, разделяла с тем, кого встречала.

Но я – не первый встречный, верно, малыш? Ты меня помнишь? Тоска тебя грызет?

И я раскрылся весь – в изумлении приходящего счастья, которое возможно лишь единожды. И ты испугалась – порабощения собственным чувством. „Я не позволяла себе чувствовать даже тысячную часть того, что чувствовала на самом деле, чего хотела...“

И стала всаживать в меня крючья. Ты очень боялась раскрыться полностью – чтоб не смогли сделать тебе больно. А

я был счастлив невыносимому для меня порабощению своим чувством. Вот где произошла нескладушка. И боялся, не мог, не хотел делать больно; мне необходимо было – оберегать тебя, а не бороться.

Это я говорил тебе, а всего все равно не скажешь, и все слова столько раз употреблялись в жизни, и что тут скажешь нового, и какой в этом смысл, нет в этом смысла, кроме одного, кроме одного: я говорю – и я с тобой, милая моя, родная, любимая, единственная моя, свет мой, и я вижу тебя, слышу тебя, чувствую тебя, счастлив с тобой, как никогда и ни с кем в жизни. Не было у меня никого ближе тебя.

Тебе было хорошо со мной? Я тебе нравился? Я тебя устраивал?

Малыш, чуча-муча, пегий ослик, чуть-чуть ты смалодушничала, чуть-чуть, и это тот последний дюйм, который решает все.

Я никогда не отделаюсь от истины, что мы были созданы друг для друга. Ты не была самой красивой, или самой умной, или самой доброй – я видел тебя глазами ясно, я не идеализировал: ты была по мне, и каждый взгляд, вздох, движение твои – были навстречу, как в зеркале.

Я видел тебя – и прочие переставали существовать, отделялись стеклянной стеной: чужие, отдельные, другие.

Я видел тебя – и был лучше, чем без тебя: был храбрее, сильнее, умнее... нет, это чушь: добрее, тоньше, благороднее... да и это не главное: я был значительнее, крупнее, чем

без тебя.

Из беззащитности, ранимости спохватывалась ты казаться стервой – и вдруг поступала согласно этой претензии, а под блеском глаз дрожала робость, потому что суть была доброй и хорошей, и ты боялась быть такой, чтоб не проиграть в жизни, чтоб не выглядеть слабой. А я настолько знал свою силу, что не боялся поступать как слабый, и в результате ты поступала как сильная, а я как слабый, хотя на деле было наоборот, и на деле получилось наоборот... Господи, милая, как я помню все...

Все кончается, жизнь на закат, финиш отмерен. Не было у меня дня без тебя. Давай напоследок, как тогда, мизинцем к руке, ага.

Твой – Я.»

Любит – не любит

1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.

«Тысячу лет назад норманны сеяли пшеницу на юге Гренландии. Не изменись климат, в Ленинграде сейчас вызревали бы персики. И даже в декабре в больницах было бы не меньше двадцати градусов, что вовсе неплохо...»

Эти праздные размышления, простительные для уставшего за дежурство человека, а Звягину вообще свойственные, развития не получили. Сойдя с эскалатора, к выходу из метро двигалась перед ним молодая пара и, судя по коротким движениям голов, упакованных в шарфы и ушанки, скорее ругалась, чем ворковала. Неожиданно после особенно выразительного кивка, подкрепленного соответствующей жестикующей, юноша как подрубленный пал на колени и, содрав шапку, замер так с простертыми руками в позе крестьянина, пытающегося всучить челобитную поспешающему по государственной нужде царю.

Девушка обернулась с презрительной усмешкой и удалилась гордо. В толпе образовалось небольшое завихрение: сдержанные ленинградцы огибали фигуру. Звягин ткнулся коленом в спину отчаявшегося ходатая и осмотрел свер-

ху русую круглую голову с недоброжелательным любопытством. В следующий миг юноше показалось, что к его воротнику приварили стрелу подъемного крана: он был поднят в воздух и, слабо соображая, что происходит, висел краткое время в руке Звягина, пока не догадался распрямить поджатые ноги и утвердиться на них.

– И давно у тебя такая слабость в коленках? – осведомился Звягин.

Тот безуспешно рванулся.

– Репетиция любительского спектакля? – глумливо продолжал Звягин. – Гимнастические упражнения для умственно отсталых?

– П-пустит-те...

– А еще жалуются, плохо у нас шьют: воротник никак не отрывается. Ты в школе учился?

– Да ч-чего вам!..

– Смирно! Тебя учили, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях?

Пойманный раздернул молнию куртки с явным намерением оставить ее в руках мучителя, как ящерица оставляет хвост, но деревянной твердости пальцы сомкнулись на его запястье.

– Что вам надо? – в бессильном бешенстве процедил он.

– Чтоб ты не нарушал закон, – последовал неожиданный ответ.

– Какой?!

– Нищенство у нас запрещено. Не надо кланяться подающим – а именно этим, судя по архаичной позе, ты занимался. Причем во цвете лет, будучи на вид вполне трудоспособным.

Не внемля отеческим увещаниям, воспитуемый оборотил перекошенное от унижения лицо и посулил Звягину много отборно нехороших вещей.

Свободной рукой Звягин порывлся в висевшей через плечо сумке и протянул желтую таблетку:

– Проглоти и ступай, оратор.

– Что это? – машинально спросил юноша.

– Амитриптилин. Прекрасно успокоит твои нервы. Не волнуйся, я врач, а не торговец наркотиками.

Молниеносным движением он сунул таблетку в приоткрывшийся для ответа рот и шлепнул ладонью снизу по подбородку: рефлексорный прыжок кадыка указал, что таблетка проскочила к месту назначения.

– Свободен. И не повторяй свои фокусы часто – штаны протрешь.

Тот постоял секунду, читая лицо Звягина, но не нашел в нем ни издевки, ни сочувствия: так, легкую снисходительность.

– Я не повторяю, – тихо и многозначительно молвил он. Поднырнул под плюшевый канат и поехал вниз.

На истертом бетоне осталась серая кроличья ушанка. Звягин хмыкнул, оглянулся и последовал с нею за удалившимся владельцем.

Из черноты тоннеля дунуло ветерком, поезд приблизился, слепя расставленными фарами и сияя лаковой голубизной, когда из подровнявшейся толпы выдвинулся подопечный и поставил ногу на край платформы, как отталкивающийся прыгун.

Вторично стрела крана подняла его за воротник и отнесла на безопасное расстояние. С утихающим басовитым воем проскользил тормозящий головной вагон, проплыло в кабине повернутое лицо машиниста, на котором начали с запозданием проявляться, как на фотопластинке, признаки испуга.

Мягко стукнули двери, народ повалил, несостоявшееся происшествие осталось практически незамеченным.

– Дядя Степа в этот раз утопающего спас, – мрачно похвалил себя Звягин. – Свинья ты, братец. Нагорело бы дежурной по перрону, машинисту – а чем они виноваты? И ты не представляешь, видно, как омерзительно выглядело бы то, что отскребали от рельсов. А?

– Откуда вы взялись... – выдавилось с мукой.

Звягин оценил бледность, дрожь рук, зрачок во весь глаз.

– Надень шапку. Ну, что стряслось, парень? Пошли, пошли...

2. Вот так встречается волшебник.

Декабрьский вечер резанул морозом – ресницы смерз-

лись; зима накатила ранняя, лютая, звенящая. Ленинград застыл в ледяном свете фонарей. Мерзлым дробным стуком отдавались шаги торопливых прохожих.

– Как тебя зовут?

– Ларион.

– А проще?

– Ларик...

Проблема поговорить по душам упирается во множество проблем. Это проблема времени: где взять его столько, чтоб никуда не торопиться. Проблема настроения: стрессовый, издегивающий ритм большого города отнюдь не способствует откровенной беседе. Проблема собеседника: не каждый в наше стремительное время терпеливо вникнет в твои беды. И далеко не в последнюю очередь это проблема места; вечерние кафе переполнены и суетны, в общежитиях бдят вахтеры и шляются знакомые, а дома ждет жена, укладывающиеся спать дети, и соседи снизу стучат по трубе отопления, если вы топаете или гоняете музыку. Правда, Ленинград, как ни один другой город в мире, располагает к задумчивым прогулкам по набережным и паркам, стреловидным перспективам центра и тихим переулкам Петроградской стороны... Но только не при минус сорока.

– Куда мы?

– Фотографироваться...

Звягин увлек Ларика мимо заиндевевшей колоннады Казанского собора в темную дугообразную траншею улицы

Плеханова. Под обшарпанной аркой погромел в дверь, обитую жестью.

– Леонид Борисович? – Фотограф вытер пальцы о полотенце, перепоясывающее водолазный свитер. – Вам снимок? Или помещение?

– Или. Ненадолго. Как твой радикулит?

– Он сам по себе, я сам по себе – мирное сосуществование. Посидите пока, я последние сниму с глянцевателя.

Он воткнул кипяtilьник в розетку, не без некоторого изящества расположил чашки и печенье на колченогом столике.

– Ключи? – спросил Звягин, располагаясь в креслице, явно скупающем по родимой свалке.

– Бросите в почтовый ящик рядом с дверью, как обычно. – Вынул из лотка отскочившие с зеркального барабана фотографии, натянул полушубок, пожелал здравствовать и удалился.

В мятом кофейнике забурлила вода. Алые спирали электропечки волнами струили теплый воздух. Мягкие тени заlegли по углам.

Звягин молчал, настраиваясь на волну собеседника, словно радиоприемник на дальнюю станцию: профессионализм хороших врачей и журналистов, умеющих чувствовать другого человека.

Молчание Ларика носило иную тональность: погруженный в себя, он пассивно соглашался, чтоб его хоть чем-то на

время отвлекли от душевной боли.

– Это сделать никогда не поздно... – проговорил, наконец, Звягин. – И беда в том, что этим ничего не изменишь и ничего никому не докажешь...

– Я не хочу никому ничего доказывать... – не сразу ото-
звался Ларик.

– Устал?

Выдох:

– Устал...

Горячий чай обжег, чашка грела руки.

– Без нее никак?..

– Без нее незачем.

– Она того стоит?

– «Не потому, что без нее светло, а потому, что с ней не
надо света».

– И нет надежды?..

Ларик застыл, медленно погружаясь в свою боль и так же
медленно возвращаясь к действительности.

– Кто вы?

– Дед Мороз.

– Подарки делаете? – слабо, невесело улыбнулся.

– Такая работа.

– Что дарите? Жизнь, да? Зря...

– Уж кому чего надо.

– Что человеку действительно надо – того ему никто не
подарит, – вздохнул Ларик с наивной многозначительностью

юности.

– Подарит. Раз в жизни случается несбыточное. Один шанс из миллиона. Тебе выпало исключение, – тяжелым голосом сказал Звягин.

Ситуация вышла за пределы обычной. Сбивчивый взгляд Ларика фиксировал рубленое лицо, тонкий излом рта: странная сила угадывалась за вальяжной позой, сокрушительная воля – за мерной интонацией.

– Итак, ты встретил волшебника.

Звягин вынес из задней комнатки небольшой аквариум. За зеленоватым стеклом пошевеливала шелковистыми раскидистыми плавниками золотая рыбка.

– Она может выполнить только одно желание в год. Будущий – твой. Заказывай.

Ларик оцепенело уставился в выпученные глазки рыбки. Колкое тепло разлилось под ложечкой, толкнулось в мозг, в дрогнувшие пальцы. Ткань действительности распалась на миг, сказочное сияние качнулось в захламленном подвальчике...

Звягин подхватил его, тряхнул легонько:

– Ну! Решайся.

Падающая звезда, счастливый номер на билете, поезд по виадуксу над головой, сесть между двумя тезками: «Загадай – желание – загадай – желание – загадай – сбудется, сбудется, сбудется!» А!..

– Хочу, чтобы ОНА меня любила, – с огромной убеждаю-

щей силой прошептал Ларик.

Рыбка вильнула хвостом-вуалью и отвернулась.

– Хорошо, – сказал Звягин и отнес аквариум.

– Сделка состоялась, – сказал он.

– Каковы условия? – спросил Ларик тем тоном на грани шуток и серьезности, который в неуверенности допускает возможность и того и другого. – Я продаю вам свою душу, расписываюсь кровью, иду к вам в рабство?

– Крови не люблю, – поморщился Звягин. – Мне ее и на работе хватает. А насчет души и рабства... Твое желание будет выполнено. Но ты станешь делать все, что я тебе прикажу.

– Что именно?

– Все! Не бойся – вреда никому не причиним. Согласен?

Ларик не столько колебался, сколько укреплял в себе желание поверить происходящему.

– Да!

Звягин аккуратно вырвал лист из блокнота, раскрыл старомодное золотое перо:

– Пиши. «Я, такой-то, тринадцатого числа месяца декабря сего года тысяча девятьсот восемьдесят шестого, будучи в здравом уме и твердой памяти, отдаю тело свое и душу в полное распоряжение хранителя сего, именующего себя доктором Звягиным, от настоящего часа и до того, как он в обмен на полученное дарует мне навечно любовь...» – пиши ее имя и фамилию, – диктовал Звягин, – «взяв с меня клятву,

что я сохраню верность ей до гроба, и да будет воля его для меня священна». Число, подпись.

Запалил свечу, достал из сумки иглу от шприца, прожег ее, протер спиртом из пузырька:

– Коли мизинец и ставь отпечаток рядом с подписью!

Ларик испытующе помедлил и решительно всадил иглу в палец. Стекла вишневая капля.

Звягин удовлетворенно кивнул, сложил лист, спрятал в черный конверт из-под фотобумаги, а конверт бережно убрал во внутренний карман.

3. Сердце мальчика и боль мужчины.

– А теперь, – сказал он, – теперь рассказывай все. Рассказывай, как и когда вы встретились.

– В пятом классе, – сказал Ларик. – Ее родители переехали из другого города, и после летних каникул она появилась у нас...

Воспоминания были его счастьем, его неразменным капиталом:

...В пятом классе, когда мальчики еще остаются мальчиками, но девочки уже превращаются в юных девушек, и тайна застенчивой и горделивой женственности вносит смятение в четкий мир их сверстников.

В маленьком городке все знают друг друга наперечет. Новичков встречают настороженно. Но она была проста и ве-

села – не задавалась. Неплохо училась и была ловка на физкультуре. Она выделялась, не стремясь к тому. Ее признали своей.

Он, Ларик, обращал на нее внимания не больше, чем на других привлекательных девочек. Мальчишеская дружба расцветает именно в этом возрасте. Мир вкусен, опасен, манящ! Мальчики записываются в секции, качают мышцы, занимаются боксом и каратэ, постигают моду и копят копейки на дешевые магнитофоны; долго причесываются перед зеркалом, стараясь узреть в полудетских лицах черты будущих мужчин. Они дети для всех – кроме себя и своих друзей: просто возраст еще не вывел их на рубеж, за которым начинается жизнь мужчины. Только в лучшем друге можно найти понимание и отзыв всем мыслям и чувствам. О девочках думают, мечтают, говорят – гуляя вечером или сидя на солнышке в укромном углу за забором; томительная мечта еще не представляется реальной.

В каждом классе всегда выделяется своя верхушка, обычно человек восемь. Интереснее, энергичнее прочих, они безошибочно объединяются: в них больше жизни. Ум, красота, спортивные успехи, подвешенный язык, умение одеваться – сами по себе еще не определяют твой престиж: обаяние личности решает все.

Незаметно упрочилась за Вале́й роль королевы класса.

Середнячок Ларик не выделялся ничем.

В этом возрасте впервые читают «Трех мушкетеров» и

придумывают себе первую любовь. Придумывают или нет – кто может отличить?..

Трудно сказать, с чего все началось всерьез. Тринадцать лет, теплый и влажный мартовский ветер, валяющийся в форточку, горячее солнце в синих лужах: весна – она весна и есть. На перемене Валя посмотрела на него (так ему показалось) особенно. Показалось ли ему это? Позднее она уверяла: да. Он ли был готов прочитать в ее взгляде то, что хотел прочитать?.. Или юная ее женственность, расцветшая потребность в любви бессознательно выразились в мимолетном взгляде? Или просто сделала глазки, следуя искушению испробовать крепнущую силу своих чар? Значит, настал ему срок полюбить, если такая неопределимая малость послужила поводом.

Через пять минут он получил двойку по химии, абсолютно не понимая, что спрашивает у него учительница. После уроков бродил, не понимая, где, оглушенный, в блаженной и испуганной растерянности, видя ее лицо, пушистую челку, печальный и ласковый блеск серых глаз: призыв? надежда? поощрение?

Несколько дней он боялся на нее взглянуть. Казалось: все сразу поймут. Только когда она отвечала у доски, он как бы имел право смотреть на нее наравне со всеми. В каждом ее жесте ему одному. От него ждали шагов навстречу.

Ночью он написал мелом на стене «Я люблю». Впервые шепотом выговорил это слово, осязая его губами. Он давал

себе безумные клятвы, рисуя романтическое и трагическое будущее.

Выскакивая из школы, он кружным путем неся к ее дому, чтобы потом попасться ей на дороге. Она возвращалась с подругой. Он цепенел. Она не подавала вида, что их что-то связывает.

Он признался другу. Друг понял, проникся. Друг давал советы и поражался низости и глупости женщин. Им было по тринадцать, и они были взрослыми людьми.

Он решился писать записки: незначащие фразы, в которые вкладывалось сокровенное значение. Друг передавал ей. Ответов не было.

Он назначил ей свидание. Прождал до темноты. Она не пришла.

Но назавтра подруга сунула ему в руку записку с ее извинением.

Встреча наконец состоялась. Он не смог выдать из себя ни слова. Она терпеливо ждала, дернула плечиком и удалилась, смеясь.

В записке он признался ей в любви. Лицо его горело, тело не слушалось. Не выдержав, он сбежал с уроков.

Ответом было одно слово на клочке бумаги: «Спасибо».

Он зашел в тупик. Не знал, что предпринять дальше. Как стать интересным ей. Как сделать, чтоб они были вместе. Ее присутствие парализовало его. Он еле кончал год на тройки.

Где знают двое, там знает и свинья: секрет его раскрыл-

ся в классе. Незлые, в общем, шутки воспринимались как нестерпимые насмешки.

Поздними вечерами он шлялся под ее окнами.

Лето прошло без нее.

Он свыкся с безответностью своего чувства.

Осень принесла потрясение.

Она была красива и беспечна, и сплетни не могли миновать ее. Ревность и зависть просыпаются в людях рано. Поплыл слух.

В четырнадцать лет верят всему. Он поверил. Эта вера, вместо того, чтобы убить его любовь, сделала ее еще более пронзительной. Дикость истории не увязывалась в сознании с ее обликом: ясные глаза, чистый смех, трогательное лукавство. Душа его разрывалась от боли за ее боль. Ему грезилось посадить ее на колени, обнять, укрыть от всего зла этого мира, погладить по волосам, ласково, нежно, сказать, что она все равно самая лучшая, самая чистая, самая красивая, единственная, что он любит ее на всю жизнь, и все будет хорошо, все будет хорошо...

(Когда годы спустя он убедился в лживости навета, он был потрясен не меньше. Быть может, если бы не эта ложь и вызванные ею боль и сострадание, впервые пробужденное желание защитить и уберечь, то любовь его иссякла бы, как часто и бывает. Но оказались затронутыми такие глубины мужского сердца, о которых он сам ранее не подозревал.)

Ей уже оказывали внимание старшекласники. Он каз-

нился своим ничтожеством. Будущее прозревалось ясно: до смерти он будет любить ее безнадежно и сильно, и когда-нибудь она поймет, как велика его любовь; и оценит; но слишком поздно.

«Она еще пожалеет, – пророчески предсказал друг. – Жизнь накажет ее». – «Накажет? – возразил он. – За что? Разве она виновата, что она такая?..» – «Вот за то, что такая, и накажет», – повторил друг упрямо и безжалостно.

В июне класс убирал мусор в парке, потом пошли купаться на пруд. Он увидел ее в купальнике. Он не мог смотреть на нее и не мог не смотреть. Расплавленный свинец разлился в его жилах... Впервые он увидел в ней женщину, и понял, что любит женщину. Ужасало, что ее, в одном этом узеньком красном купальнике, видят все! И она не стеснялась, ей это нравилось, она знала свою красоту. О, если б он был самым широкоплечим, рослым, мускулистым, загорелым, сильным, если б он был достоин ее... Страх своей неполноценности укоренился в нем окончательно.

Осенью она приезжала с родителями с юга, приходила в школу загорелая, как мулатка, сияя глазами и зубами, потряхивая выгоревшей гривкой волос, пританцовывая на ходу от избытка жизненного веселья. Однажды она влюбилась в практиканта-физика из пединститута; отчаянно зубрила формулы и получала пятерки, явно выделяемая им. Когда оказалось, что у него есть невеста и через неделю свадьба, она два дня не ходила в школу и появилась похудевшая, с

темными кругами у глаз.

Класс отреагировал беззлобной подначкой.

Ларик искренно недоумевал: как можно на ком-то жениться, если можно в свой срок жениться на ней? Разве есть на свете хоть одна лучше нее? И — что она нашла в нем: обычный, ничего особенного, склонность к развязному нахальству да еще один глаз косит на сторону?

На лето перед десятым классом его отправили в деревню к бабушке. Он вытянулся, подсох; полел огород, валялся на песке у речки, считая дни до возвращения. Не выдержав, написал ей письмо, второе, третье. Неожиданно получил ответ (она томилась скукой).

В сентябре его положение в классе изменилось. Усилиями родителей он был прилично одет, «смотрелся». Поздоровел. Полученное письмо прибавило уверенности в себе. На него «положила глаз» одноклассница; он впервые понял, что может нравиться и даже быть любим. Надежды вспыхнули и расковали его язык. Он искал сближения с ее компанией, и удостоился приглашения.

Когда в медленном танце он впервые коснулся ее руки, ее талии, ноги его мгновенно потеряли способность двигаться. Она улыбнулась и повела его сама.

Он пытался «дружить», но не умел стать ей интересным. Он оставался застенчивым, неуверенным, смертельно влюбленным и потому покорным мальчишкой. В нем не было изюминки, не было мужской резкой сумасшедшинки — так она

сказала.

Надежность, стойкость его чувства льстила ей и одновременно тяготила. Его придерживали при себе как ненужную сейчас, но в общем хорошую вещь, которую жалко выкидывать – при случае может пригодиться. Разве не числом поклонником и силой их страсти измеряет девушка свою значимость?..

В цветном мигании лампочек, в тягучем течении блюза, среди друзей, она сама разрешила ему поцеловать ее. Он прижался губами к теплой гладкой щеке, на секунду почти потеряв сознание.

Но больше ему «ничего не позволялось».

Ты хороший, я не виновата, что ничего такого к тебе не чувствую, – таков был подведенный ею итог их откровенного разговора.

На выпускном вечере он сделал ей предложение. Она засмеялась, взгрустнула, сказала, что они еще дети и им рано об этом думать. Мужчина должен сначала чего-то добиться в жизни. А ему еще только через год идти в армию, и кто знает, не забудет ли он ее за это время.

В ослеплении веря наивному кокетству, он клялся любить ее вечно!

Ах, отвечала она, если б ты был немного другой. Какой? Откуда я знаю...

«Бедное сердце, осаждаемое со всех сторон», – сказал друг – бывший друг. Он влюбился в нее сам в конце концов.

Ларик простил предательство: можно ли не любить ее...

Она поехала поступать в Ленинград, в театральный. Он поехал с ней вместе, выбрал конкурс поменьше, верняк, и подал в инженерно-строительный. Когда она отсеялась после первого тура, он забрал документы. Проживая остатки выданных родителями денег, они бродили по Ленинграду. Она была подавлена, разуверена в себе, благодарна ему за верность... Теплая ночь, темная листва, разведенный мост над Невой: глядя в сторону, она тихо проговорила – иногда ей кажется, что она немножко любит его.

Общность судьбы вдруг сблизила их – словно подхватила одна волна. Они ощутили родство – вдвоем в огромном, чужом, прекрасном и недоступном городе.

Лучше тех дней в его жизни не было.

Они вернулись домой, встречались сначала каждый день, но потом она начала отдаляться: все чаще бывала занята, задерживалась на работе, занималась в самодеятельности. Однажды он увидел ее на улице с высоким красивым парнем.

Теперь он ждал одного – призыва в армию. Там начнется другая жизнь, и сам он станет другим. Он мечтал попасть служить подальше, туда, где опасно, откуда можно вернуться в боевых орденах, или не вернуться вообще, погибнув смертью героя.

За пять дней до отправки она позвонила ему сама. Она раскаивалась, тихая, печальная, ласковая, она обещала ждать его.

Он все понимал. Тот ее бросил. Ей опять не повезло. Ларик был счастлив. Если б с ней случилось несчастье, она стала некрасивой, инвалидом, не нужная никому, — он бы носил ее на руках, сдувал пылинки, лелеял...

На перроне, в толпе народа, стриженного, с рюкзачком, она целовала его. В вагоне команда ему завидовала.

Год она писала ему. Он показывал корешам фотографию. А потом бросила. Написала, что все кончено: она выходит замуж.

Ее родители обменяли квартиру на Ленинград. Она стала студенткой Института культуры: другое окружение, другая жизнь, другое будущее.

Демобилизовавшись, он месяц жил дома... Собрал вещи и двинул в Ленинград. Пошел на стройку, прописался по лимиту в общежитии. И явился к ней.

Она была не замужем.

Его встретили как марсианина. Ему не оказалось места в ее новой жизни. Она стеснялась его.

А он не мог без нее жить. Он просыпался утром, вспоминал: она! — и накатывала черная тоска.

Единственным прибежищем была работа. Работал он с яростью. За работой забывался. Бригадир хлопал по плечу. Ребята постарше посмеивались.

Он пригласил ее в театр. «И никогда больше меня никуда не зови... Я не пойду».

У нее есть... один. Аспирант. С машиной. С деньгами.

Нравится ее родителям. Ларик видел его. Против него не потянуть...

Все свободное время он тупо валялся на койке. Ребята пробовали знакомить его с девушками. Его равнодушие сначала задевало их, вызывало желание задеть, понравиться, кончалось пренебрежительным разочарованием. Они были ненужными, чужими.

Он продолжал ходить к ней, ждал у входа после занятий. Ее подруга сказала ему в сторонке, сочувственно, по-своему: «Да брось ты Вальку, она же стерва». Благодарный за участие, он, однако, возненавидел подругу.

Навязчиво он искал встреч – как побитый щенок, приползал на брюхе, виляя хвостом (по ее выражению). Иногда удавалось, преодолевая себя, казаться веселым и легким, циничным и беззаботным; зная истину и тяготясь, Валя терпела его несколько часов. Как-то отправилась с ним в Эрмитаж на модную выставку. Но выдержка ему изменяла, он опять срывался на мольбы, укоры, напоминания, клятвы: в такие минуты она его ненавидела. Себя тоже, видимо, ненавидела, чувствуя за ним какую-то моральную правоту, и оттого ненавидела его еще больше.

4. Скулящему не сочувствуют.

Влюбленный может говорить о предмете своей любви бесконечно. Усвоив суть и наскучив подробностями, в двена-

дцатом часу Звягин подавил зевок. Извинившись, вышел в туалет и с шумом спустил воду. Подобные действия неукоснительно меняют тональность беседы. Выговорившийся Ларик примолк, отрезвел, успокоился.

– И чего ты дергаешься, собственно говоря? – подытожил Звягин.

– Как это?..

– Так. Что, собственно, страшного произошло? Она вышла замуж?

– Нет... пока.

– Но у нее есть ребенок?

– Что?! Нет, откуда...

– Может быть, она смертельно больна?

– Вы о чем...

– Тоже нет? Ну тогда, возможно, она совершила преступление, и твой гражданский долг – посадить ее за решетку?

– Не надо издевок, – тихо попросил Ларик.

– А может, ты инвалид? Отвечать!

– Нет...

– Урод?

– Не блещу, как видите...

– Мужеством ты не блещешь. А, ты слабоумный? Или тебе завтра уходить на фронт? А-а – тебе приходится содержать больную семью, отнимает все силы и время. Угадал?

– Перестаньте.

– Тоже нет? – удивился Звягин. – Тогда я не понимаю –

чего ты убиваешься? Какие трудности? В чем препятствия?

– Не нужен я ей...

– Стань нужен!

– Как?

– Как угодно!

– Она не любит меня, – качнул головой Ларик безнадежно, горько.

– Всего делов? Хм! Значит, надо сделать так, чтоб полюбила, – невозмутимо заключил Звягин.

Сухо, рассыпчато скрипнул под ногами снег. Стукнула дверь, звякнул ключ. Метнулась во тьме поземка и пропала. Черный прозрачный воздух обжег ноздри. Пар от дыхания индевел мохнато на шарфе.

– Что вы говорите?

– Пою. «Турецкий марш».

– Почему?

– А что же мне петь, лазаря? Боевой гимн индейцев чероки? – Звягин сплюнул: плевок затрещал на лету, стукнулся об тротуар и подпрыгнул ледышкой. – Минус сорок, – удовлетворенно констатировал Звягин. – Верная примета, так мы на Севере проверяли.

5. Что такое камелек?

Жена, разумеется, не спала. На кухне горели все газовые конфорки – отапливалась.

– Чудовищный мороз, – сообщила она, кутаясь в шерстяной платок. – Завтра у пятиклассников опять занятий не будет. Сидим в учительской и рассказываем друг другу, у кого сколько градусов дома. Где ты застрял, я волновалась? Есть будешь?

– Мне нравятся эти ленинградцы, изображающие Клондайк, – ответил Звягин.

Спустившись во двор, принес несколько деревянных ящиков из штабеля у заднего входа магазина. Разломал на кухне и растопил в спальне старинную высокую печь – настоящую кафельную голландку.

– Хорошо, что сохранили при ремонте, – оценил он. – Вот и пригодилась.

Пламя загудело в топке. Звягин оставил открытой латунную дверцу, потер руки перед огнем.

– Давненько не сиживали мы у камелька, – сказал он. – Кстати, что такое камелек?

В дверях возникла дочка, завернувшаяся в одеяло, как озябшее привидение.

– А я? – жалобно спросила она. – У меня тоже холодно.

– В Англии спальни вообще не отапливаются, – сказал Звягин.

– Вот Англия и перестала быть владычицей мира, – сказала жена.

– Поэтому у англичанок лошадиные лица, – объяснила дочка.

Желто-алые блики легли на обои, выкруглились на люстре и спинке кровати. В полумраке высветилась теплая пещерка у огня, доски потрескивали и стреляли, выбрасывая трассирующие багровые искры, притухающие на лету и с тихим шорохом падающие на латунный лист перед печкой.

Жена проявила неслыханную заботу: вкатила фуршетный столик с тарелкой дымящегося рагу, бутербродами и чайником.

– А молоко? – сварливо спросил Звягин, набивая рот.

Сытый человек миролюбив – его можно брать голыми руками. В воздухе повисел и упал сакраментальный вопрос:

– Где ты был?

– Я стал рабовладельцем, – скромно сказал Звягин. И, наслаждаясь эффектом, предъявил умопомрачительную расписку.

Жена потеряла дар речи. Дочка в восторге захохотала. Потребовали объяснений. Ахнули, вздохнули, усомнились; задумались.

– Где ты его подобрал?..

– В метро.

– Ты всегда найдешь теплое местечко для своих подвигов, даже в мороз. У нас не семья, а благотворительное общество «Звягин и компания»!

– А зачем этот средневековый спектакль с мефистофельской распиской и золотой рыбкой?

– Внушение. Психотерапия. Влюбленные юноши необык-

новенно впечатлительны и склонны к романтике. А такие вещи, знаешь, воздействуют на нервную систему – укрепляют надежду и веру. Полезно.

– И что будет дальше?

– Понятия не имею, – беззаботно зевнул Звягин. – Утро вечера мудреней. Есть доброе правило: важное дело спешным не бывает – если что-то стряслось, не руби сгоряча, выжди три дня, успокойся, подумай, и начинай действовать на четвертый.

За неимением в современной квартире кочерги он пошевелил угли совком и потянулся.

6. Так что же такое любовь, в конце концов?

Назавтра жена была встречена в прихожей вопросом:

– Что такое любовь?

Замедлившись в движениях, молча она повесила пальто, сняла сапоги, прошла в кухню и, глядя в замерзшее окно, проговорила:

– Видимо, любовь – это когда после двадцати лет семейной жизни ты являешься домой за полночь с лицом романтического героя.

И, поскольку ответной реплики не последовало, выдернула в комнате из стеллажа и швырнула на диван книгу Рюрика «Три влечения».

Звягин кротко полистал страницы и рассердился:

– Почему вместо ответа на любой вопрос ты норовишь сунуть мне книгу для внеклассного чтения, будто я твой школьник, еще не дозревший для беседы с учителем?

Ничто так не льстит мужчине, как обвинение в донжуанстве. Но только не тогда, когда оно регулярно исходит от законной супруги – тут нужны крепкие нервы и неиссякаемое добродушие. Обладая тем и другим, Звягин достиг примирения за каких-то два часа, прибегнув ко всем доступным способам. Сменив гнев на милость и размякнув, жена молвила задумчиво:

– Есть три вещи в мире – непостижимые для мудрецов: путь орла в небе, змеи на камне, и путь мужчины к сердцу женщины.

Профессиональная страсть учителей к цитатам неистребима.

– Любовь – это случайность в жизни, но ее удостаиваются лишь высокие души, – декламировала жена, лежа на руке Звягина. – Стендаль.

– Стендаль был великим теоретиком, я слышал. Но он ошибался.

– Ты наглец и невежда.

– Помнишь, ты меня заставляла читать «Педагогическую поэму» Макаренко? Там один паренек, Чобот, тупой такой и неразвитый, влюбляется в самую передовую и красивую девочку... Наташу. Идти за него замуж она отказалась – ей

рано, надо учиться, и вообще она его не любит. Он взял-таки и повесился. Наверное, любил, раз не смог без нее жить.

— Глупо и гадко! — взвилась жена. — Упрямство, эгоизм! И правильно его все осудили! Не может темный человек любить по-настоящему. Только с развитием духовной культуры человечества инстинкт продолжения рода превращается в ту любовь, о которой пели провансальские трубадуры!..

— Трубадуры тебе еще и не то споют, — пробурчал Звягин, — за умеренную мзду. По-твоему любовь — умение красиво говорить о своем чувстве и совершать всякие изящные и благородные поступки? Я понимаю: стали писать стихи о любви, посвящать рыцарские подвиги прекрасной даме, выработали манеры — пропускать женщин вперед, уступать им место, снимать шляпы и кланяться. Но разве манеры — проявление любви?

— Твой цинизм неуместен! Любовь выражается в поступках, это естественно: манеры — выражение уважительного отношения к женщине.

— А как тогда отличить любовь от притворства? Ведь любой может обучиться манерам, а если силен — на совершать подвигов.

— Женщина всегда отличит любящего от нелюбящего.

— Уй-й!.. То-то столько обманутых соблазнительями. Лгать можно и словами, и поступками, — увлекшаяся женщина любую мелочь трактует в свою пользу. Ответ лучше, если ты такая умная: как обстоит у водоплавающих птиц насчет оду-

хотворенности и культуры? Почему лебедь, теряя подругу, поднимается ввысь и камнем падает на землю, разбивается? Ведь с точки зрения целесообразности и продолжения рода он может найти себе другую пару?

В затруднении жена посмотрела на часы, высунула руку из-под одеяла, потрогала еле теплую батарею.

– Любовь – это когда любимый человек становится дороже всего на свете.

– Дороже истины? Долга? Чести? Родины? Значит, любящий человек способен на любую подлость и преступление во имя любви?

– Ты вечно передергиваешь, – недовольно сказала она.

– Значит, не дороже всего?

– Дороже жизни...

– Хм... Если надо пожертвовать своей жизнью ради того, чтоб жил любимый человек, – тут, наверное, любой любящий не задумается. Но почему человек ради своей любви жертвовать при надобности жизнью готов – а пожертвовать, скажем, карьерой – часто не готов? Хотя карьеру дороже жизни не ценит.

– Ну-у!

– Э? Женятся на высокопоставленных дочках, расставаясь с любимыми. Не разводятся с постылыми женами, чтоб не подпортить карьеру и высокое назначение. Расстаются с любимыми, отправляясь в дальние края, куда те ехать не согласны. В чем дело? Ведь любят, потом всю жизнь вспоми-

нают, жалеют, плачут, не могут найти счастья.

– Не очень любят.

– Ничего себе не очень: через двадцать лет увидит – и бледнеет! Всю жизнь снится. Нет, ты скажи: очень-очень нравится – и любит: есть разница?

– Конечно, есть.

– Какая? Ведь внешне все одинаково: те же действия, слова, ласки, подарки. Возьмем любовный треугольник: муж, жена, третий. Естественный вопрос ему: любишь ты ее или нет? И если да – это для всех его как-то оправдывает, даже внушает сочувствие, уважение.

– Это ты к чему? – с тенью настороженности спросила жена.

– К тому, что на мой взгляд все это очень просто.

– В каком смысле?!

– Любовь – это когда чувство достигает такой силы, что то и дело переходит границу и может превратиться в свою противоположность – в ненависть. Когда счастье граничит с горем, наслаждение – с болью, и одно способно мгновенно смениться на другое.

– Школьный диспут... Любовь – это желание счастья любимому.

– А сколько в истории случаев, когда любимых убивали? Причем только любимых! Возненавидеть можно только того, кого любил, а если просто очень нравился – э, что ж делать, печально, да как-нибудь станем жить дальше. Вот ес-

ли нет сил перенести муку, и на собственную искалеченную жизнь уже наплевать, и то самое чувство, которое толкало жертвовать всем ради любви, теперь дальше толкает на самый страшный шаг – вот это не подделка, не имитация, а любовь.

– Вариант Кармен?

– Кармен, Кармен.

– Мой муж феодал и дикарь, – меланхолично констатировала жена.

– И дикари лупили друг друга палицами по головам, оспаривая первую красавицу племени. Чувства всегда были у любых людей. И даже у животных. Посади собаку в клетку, дай ей подходящую пару – а потом разлучи. И собака может подохнуть от тоски. А вот если она дикая, в лесу, пропитание добывать надо, от врагов спастись – тогда не подохнет, переживет. Дело не в тонкости и культуре чувств, а в их силе. А для их силы надо, чтоб не все они расходовались на выживание. Подруга любви – праздность, как некогда говорили. Любовь появилась тогда, по-моему, когда у человека высвободился некоторый излишек энергии, принимающий форму необязательных чувств и необязательных поступков. В народе всегда знали, что лучшее средство от несчастной любви – тяжелая работа: утомленный человек не так остро чувствует боль, легче забывается. От любви и угасали тургеневские барышни – а их крепостным чахнуть было некогда: пахать надо.

– Но большинство людей как-то переживает несчастную любовь без всяких кровопролитий!..

– Большинство людей слабо, – с безапелляционностью супермена вынес приговор Звягин. – Большинство людей должны заботиться о своих близких. Большинство людей расходует массу сил на обыденные трудности жизни. Большинство людей законопослушны, трусливы и тщеславны. Большинство людей в душе уважает свои страдания и даже испытывает от них удовольствие: несчастная любовь удовлетворяет их потребности в сильных ощущениях.

– Ты, доктор, что это ты сегодня так поносишь несчастных людей? По-твоему выходит, вообще нет разницы между влюбленным человеком и влюбленным животным.

– Принципиальной – нет, – был хладнокровный ответ. – Так же как нет принципиальной разницы между функционированием организма человека и кошки. Просто цивилизация дала рост производительности труда, высвободила силы для любви и окультурила ее, создала ее внешние формы. Тупой человек тупо домогается любимой женщины, а развитый умеет облечь все в красивые и разнообразные формы, прельстить речами, одеждами, манерами и поступками.

– Насчет ненависти ты, видимо, прав, – признала жена. – Иногда меня ужасно подмывает треснуть тебя кастрюлей по самоуверенной голове.

– Ну вот видишь.

Она зажгла свет, причесалась у столика, подперла щеку

ладонью; спросила, глядя в зеркало:

– Леня, ты меня еще любишь?..

– Тьфу на тебя, – сказал Звягин. – Какой подвиг я должен посвятить тебе, чтоб ты успокоилась?

7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.

Вечером третьего дня он принимал Ларика в знакомой фотолаборатории. Назначенный срок ничегонеделанья тот перенес с трудом, вспышка безумной надежды сменилась тоскливой апатией; он глотал чай, словно цикуту. Звягин, напротив, имел вид довольный и уверенный.

– Начинаем предварительные действия, – объявил Звягин. – На данном этапе главная трудность заключается в том, что ты ей донельзя надоел. Итак, надо все стереть и начать с чистого листа: по нулям. Последнее впечатление о тебе в ее памяти должно быть выигрышным. Ты держался мямлей – значит, будь абсолютно тверд. Ты соглашался на все – значит, не мирись ни на чем. Ты должен достойно уйти.

Горечь на лице Ларика усугубилась до чего-то среднего между рыданием Пьеро и дозой хинина.

– Терять тебе нечего. Хуже уже не будет. Представь себе, что вы уже расстались навсегда, что она тебе совершенно чужая, что все равно ничего не светит, что ты умер, наконец! Хуже не будет – с самого низа все пути ведут вверх! И держи себя в кулаке – хоть тресни.

Он достал блокнот, раскрыл ручку:

– Соображаешь ты плохо. Давай-ка порепетируем: что может сказать тебе она и этот ее, как?.. Игорь, и что ты должен им ответить.

Вопросы-ответы перетекли на второй десяток страниц, когда вспотевший и втянувшийся в желанную игру Ларик споткнулся:

– А как я узнаю, что он у нее?

– Это твои проблемы! Карауль за углом, найми пацана из ее подъезда, попроси на улице девушку позвонить ему домой, следуй за ним после работы...

– А если скажут что-то неожиданное?

– Улыбайся многозначительно и меняй тему: гни свое.

– А если забуду?

– Вызубри, как домашнее задание! И помни: в боксе главное – хладнокровие, – тяжелой дланью хлопнул его по спине.

– Чем крепче нервы, тем ближе цель. Держи сценарий.

8. Как слегка попортить личную жизнь.

Исполняя полученный приказ, в пятницу Ларик исправно стоял перед заветной дверью на Гражданке. Он съел две таблетки седуксена, сделал вдох-выдох, постарался расслабиться, вспоминая напутствие: «Я спокоен. Мне на все наплевать. Ха-ха. Сейчас я вам немножко попорчу вечеров, голубки. Не ждали? Сейчас я вам объясню, кто такая мать Кузь-

мы». Давя звонок, представил себе, как выглядит упомянутая мать Кузьмы, кузькина, то есть, мать, и как он им ее покажет, и невольно улыбнулся нервной улыбкой, когда дверь отворила мать Вали.

– У Вали гости...

«Ах, кто бы мог подумать!..» Знакомая (оскорбительно чужая здесь) дубленка висела на вешалке под оленьими рогами.

Валя вышла в прихожую с досадой и неловкостью.

– Извини, я не одна. Я же просила тебя больше не приходить.

– Ничего, один раз можно, – напористо подавал он заготовленные фразы, как снаряды из погребов. – Я разденусь, ты не возражаешь?

И раньше, чем она успела ответить, скинул куртку.

– Говори, что ты хотел, и уходи, – зло велела Валя.

– Ты не пригласишь старого друга в комнату?

– Я сейчас не могу, – повторила она, но Ларик уже ловко обогнул ее и двинулся в квартиру, не заботясь оставляемыми на паркете следами сапожек.

– Добрый вечер, – слегка поклонился он родителям, сидевшим перед телевизором. – Извините за непрошенный визит.

– Какие цветы! – сочувственно отозвался отец; как все отцы, он понимал неудачливого претендента на сердце своей дочери.

Ларик вспомнил, что в руке у него снопик белых роз, и прижал локоть к боку, чтобы рука не дрожала.

– Где ты отыскал такую прелесть, – кисло-отреагировала мать.

– Конфисковал у спекулянта, – небрежно сказал Ларик и быстро проследовал в Валину комнату. Чуть растерявшейся от этого натиска, ей ничего не оставалось, как идти за ним.

В комнате, разумеется, тихо звучал магнитофон, на низком столике под неярким настенным светильником – нарезанный торт, кофе, лимон, а на диване сидел приветливый и снисходительный Игорь. Все было плохо... но все было правильно, естественно, ожидаемо, в точности так, как и предусматривалось, Ларик был к этому готов. И оттого, что события развивались по твердо намеченному плану, он вдруг почувствовал себя свободно – хозяином положения. Инициатива оказалась в его руках: он знал, что будет дальше, а они не знали, он вел партию, а они вынуждены были на ходу отыскивать защиту.

– Хлеб да соль, – приветствовал Ларик и включил верхний свет, разом разрушив интим. – Валь, где ваза?

– У тебя что-то срочное? – нетерпеливо спросила она.

– А, вот она. – Снял с полки хрустальную вазу, сунул в нее букет и протянул Игорю: – Вы не были б так любезны налить воды?

Тот машинально взял вазу, помешкал, не успевая найти достойную линию поведения; мягко согласился:

– Пожалуйста...

– Я сама налью, – раздраженно выручила его Валя и вышла с проклятой вазой, усугубившей напряженность.

– Какая неожиданная встреча, – сказал Ларик, чувствуя, что он выигрывает по очкам, и понемногу раскрепощаясь. И протянул Игорю руку. Тот пожал ее с доброжелательным превосходством.

– Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи, – с улыбкой сказал он (переводя разговор на удобный ему уровень: поэзия, эрудиция, ирония, полунамеки...).

Ларик посмотрел на него с сожалением, как на больного, отрешенным перед зеркалом взглядом.

– Морозище зверский, – сказал он.

– Давно такой зимы не было, – поддержал Игорь.

– Готовимся жениться? – спросил Ларик. (Нет, он недаром готовился: голос был не спертый, не сдавленный – нормальный!)

Он достиг цели – сбил противнику дыхание: Игорь никак не мог попасть в ритм этого неожиданного разговора.

– Ну, – он прикрылся неопределенной улыбкой, – это не только от меня зависит...

– Не скромничай, Игоряша, – Ларик хлопнул его по колену. – В данном случае это зависит только от тебя. Или она тебе не нравится?

У Игоря заело речевой аппарат: ответить хамски означало признать свое поражение в словесном поединке, ответить

вежливо – признать унижительную зависимость от наглеца, а находчивый ответ не придумывался. К его облегчению, вернулась Валя.

– Я сел, ничего? – спросил у нее Ларик.

– Если сел, так чего теперь спрашивать?

Установиться молчанию Ларик не давал.

– Торт вкусный? – просто спросил он Игоря.

– Ничего...

– Ты принес? Ну, наверное, выбрал лучше. Валь, не смотри на меня зверем, ладно? Я только съем кусок торта, если меня угостят, и ни секунды больше не стану вам портить личную жизнь. Да не ходи за лишним блюдцем! – Он положил лопатку на тарелку Игоря, подвинул к себе, откусил.

– Цветы с Кузнечного рынка? – улыбчиво попробовал Игорь забрать инициативу.

– Мы любим жесты, – подыграла ему Валя.

– Кто что любит, – сказал Ларик с набитым ртом. – Чужая душа потемки. Как там наука насчет души говорит?

– Мы технари... – усмехнулся Игорь.

– По принципу: если нельзя делать науку, то надо делать хоть диссертацию? И правильно. Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

– Каждому свое. Не всем же строить дворцы.

– Верно. Некоторым приходится там и жить. В диссертации, наверное, бетонная коробка выглядит лучше, чем на стройплощадке. Я неумно шучу сегодня; извини.

Валя демонстративно взглянула на часы и встала.

– Не уходите, он сам уйдет, – сказал Ларик и аккуратно вытер пальцы салфеткой. – Игорь, прошу как мужчина мужчину: выйди на минутку, нам надо поговорить. Не переживай, потом я уйду насовсем, и твое счастье будет полным. Будете ворковать без помех целую жизнь.

В некотором понятном унижении Игорь посмотрел на Валю и поднялся. Когда в такой ситуации просят выйти, срабатывает рефлекс мужского достоинства – отказаться как-то неудобно, невозможно...

– Шустрые у тебя одноклассники, – нашелся он сказать с порога. (Нервничающий человек не способен к остроумию. Вечером, вспоминая эту встречу, Игорь нашел массу достойных ответов.)

– Когда будет нужно, вас позовут, – успокоил Ларик, закрывая за ним дверь.

Он погасил верхний свет и сел.

– Потрудись объяснить свое шутовство, – сказала Валя, выключив музыку.

Ларик сказал спокойно, тепло:

– Ладно тебе... Просто я хотел попрощаться.

– Ах. В очередной раз. Ты уезжаешь или решил умереть?

– Нет, я не уезжаю и не решил умереть.

– Ты ведь грозился!

– Зачем отягощать твою совесть таким событием. Ведь ты не была бы мне за это благодарна, правда? Хоть память о

себе оставить приличную.

– Боюсь, что уже не получится.

– А Игорь твой слабак. Я бы на его месте выставил меня вон.

– Вот потому ты не на его месте.

– Да не хочу я ругаться, – сказал Ларик. – Просто вдруг во мне что-то кончилось. Напрочь исчезло, понимаешь? Ну и захотелось сказать тебе на прощание что-нибудь хорошее...

– Так говори и иди.

– Раздумал. Пусть все хорошее он тебе скажет. Мне было здорово с тобой. Счастливо.

Он распахнул дверь:

– Входите, коллега, мы уже кончили.

Игорь приятно беседовал с родителями.

– Я тебя провожу, – с намеком сказал он, жажда реванша.

Ларик укоризненно вздохнул:

– Пожалуйста. Только не сейчас – имей уважение к хозяевам. Я пришел сюда не затем, чтобы бить гостей дома. Как меня найти – Валя знает.

Он сделал общий поклон, улыбнулся Вале ободряюще:

– Не сердись. Все будет хорошо, – и удалился.

И еще целый час, добираясь до общежития, он находился в роли: чувствовал себя свободным, сильным, великодушным, преодолевшим свою любовь и муку, оживленно-злым. Ночью уткнулся в подушку, привычные думы и воспоминания нахлынули, размыли волю, он вновь ощутил свою сла-

бость, зависимость, отчаяние, и уже удивился тому, как сумел держаться, и даже не понимал своего недавнего состояния, словно разговор тот вел совсем другой, чужой человек.

После его ухода интонация вечера сломалась. Музыка, полумрак, тихие речи, впечатление сгладилось... Но осталась некая крохотная неловкость, мельчайшее неудобство, душевный дискомфорт. Неприятная царапинка осталась в памяти, мешающая прежней непринужденности.

9. Информация – безусловно основа интуиции.

Звягин воспринял доклад Ларика удовлетворенно: «Первый раунд ты выиграл. Следующее: выясни толком, что за человек твой соперник». Армейская закваска сидела в нем прочно: сбор информации, ее анализ и оценка, составление плана действий – и неукоснительное его выполнение; излюбленная метода, иной не признавалось.

– Жаль, что ты не женщина.

– Почему?!

– Женщины обладают удивительным даром узнавать о людях такую подноготную, которую те сами подчас не подозревали.

В Ларике боролись презрение к сплетням и ревность.

– А как?

– Твои проблемы. Сведи знакомство со старушками из его

соседей. Найди его одноклассников или однокашников по институту, а еще лучше – однокашниц. Поболтай о нем как бы между прочим с лаборантками и вахтершами в его НИИ. Послушай, что говорят о его родителях – где о родителях, там и о детях. Заготовь себе истории: устраиваешься на работу, или он не отдает тебе долг, или ты беспокоящийся брат его девушки, или он хотел купить у тебя магнитофон, или ты приезжий, познакомился с ним в отпуске и теперь думаешь, можно ли у него остановиться... Сообразишь! И не лезь с назойливыми расспросами – хвали его как бы с сомнением, и тебе все выложат сами: люди обожают позлословить за спиной, особенно о тех, кто на вид удачлив.

Ларик исчез на неделю. Звягин, уподобляясь Наполеону, возведшему в принцип личную проверку всех деталей, отправился в Институт культуры – взглянуть на его избранницу.

Прогремел звонок, хлопнули двери аудиторий, девушки заполнили коридор: он угадал Валю почти сразу. (Хотя описание Ларика напоминало скорее знаменитое: «Ростом она была эдак примерно с ангела».) Светлое скуластое личико, серые ясные глаза с раскосинкой, невысокая фигурка – ужасно складная девочка (тот тихий омут, в котором черти водятся. Самоуверенный Звягин полагал себя крупным физиономистом. Хотя практика подтверждала, что ошибался он и вправду редко).

Игорь, встреченный им в вестибюле своего НИИ, ему, однако, тоже понравился. На вид крепкий, не мелкий, походка уверенная, взгляд прямой и веселый – симпатичный такой смугловатый парень. Возвращаясь домой, Звягин копался в себе, пытаясь определить причину своей к нему неприязни. неужели просто успел влезть в шкуру бедолаги Ларика? Хм – отчасти он уже чувствовал себя Лариком, уже прикидывал на зуб ближайшее будущее, как актер прикидывает новую роль, чувствуя, как маска срастается с кожей.

10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.

На «скорой» его новая затея обсуждалась оживленно.

– Нет, – неодобрительно сказал Джахадзе, – ты не прав. Есть хороший человек, она хочет за него замуж...

– Ты лучше скажи, откуда у аспиранта машина? – рявкнул Звягин. – Он только жить начал, какая у него стипендия?

– Папа купил, – здраво ответил Джахадзе.

– А станет приличный человек ездить на машине, купленной папой? Молодости стыдно быть преуспевающей! Диссертация по микроклимату микрорайонов – чушь свиньячья!.. Папенькин бездельник.

Вошел фельдшер и мрачно стал прислушиваться к разговору.

– Опять несчастненького себе нашли, Леонид Борисо-

вич, – брюзгливо произнес он.

– А ты что здесь делаешь?

– Жду.

– Чего?

– Пока вода на кухне закипит. У меня кипяток кончился. Машина-то вся в крови, замерзла – не отдерешь. – Он повертел перед собой изящные сизые руки.

– Так что ты предлагаешь – подождать, пока мы с тобой поедем за этим несчастеньким на «из-под поезда?» – спросил Звягин. – Давно не было? Понравилось машину отмыть, Гриша?

Гриша пробурчал нечленораздельно и включил телевизор.

– Настоящий мужчина всегда держит себя с женщиной на высоте, – сказал Джахадзе.

– А если не держится?

– Тогда это не мужчина.

– А если жить без нее не может?

– Тогда это не мужчина, – повторил Джахадзе упорно.

– А если другой нравится ей больше?

– Докажи ей, что ты лучше него.

– А если не умеет?

– Тогда это не мужчина.

Злой и невыспавшийся Гриша высказался в том духе, что лоботрясы они все, а вот помыл бы он на тридцатиградусном морозе «скорую» от крови, глядишь, и мозги встали бы на

место.

Вообще к несчастным влюбленным на «скорой» относятся скептически. То есть не то чтобы медики не верили в любовь, отнюдь. Просто они по роду службы больше прочих граждан сталкиваются с прозаическими, так сказать, последствиями страстей, когда последствия принимают оборот, требующий медицинского вмешательства. И жертвы, хлебнувшие уксусной эссенции, или полоснувшие себе вены, или учинившие над собой какое иное непотребное действие, вызывают у бригады справедливое возмущение: работы и так хватает! А выезд специализированной машины влетает в сотню-полторы рублей, и в это самое время может ждать погибающий больной.

– Помните, я летом с Заможенко выезжал на падение с высоты? – Гриша высморкался. – Ах, семнадцать лет, первая любовь, он ее обманул, и бедная Лиза раскрывает окно своего пятого этажа, зажимуривает глаза и с именем коварного на устах шагает вниз. Хоть бы она раньше посмотрела в этот самый низ! Ковыляла себе бабуля в булочную – и ахнуть не успела: перелом шейных позвонков, разрыв спинного мозга, привет. Сходили за хлебцем... И то сказать: полцентнера рухнет с пятого этажа тебе на голову! А девице – хоть бы хны: сломала ключицу, через десять дней ушла домой на собственных ногах. И к суду ведь не привлекли!

История была давняя, обсосанная; комментариев не последовало. Гриша сквозь заледенелое окно послал прокля-

тие неумытой машине и потопал на кухню. Звягин молвил задумчиво:

– Не каждой женщины можно добиться...

– И нэ надо! – поднял волосатый палец Джахадзе.

– ...но зато каждая женщина может добиться мужчины, если он не против. Фокус заключается в таком повороте дела, чтобы добивалась она. Мышеловка за мышью не бегает.

Трансляция захрипела ужасно и прокашляла:

– Десять тридцать два, рука в конвейере.

– Простудилась Валечка, – посочувствовал Звягин, неторопливо вставая и потягиваясь.

В коридоре столкнулся с Гришей – гроыхнул пустой чайник.

– Только отмыл, – в отчаянии воззвал он. – И сейчас опять! Когда морозы кончатся!..

Кренясь на вираже в успевшем промерзнуть салоне, мечтая о тепле и отдыхе, пожелал:

– Пусть хоть на свадьбу потом позовет. А то как пахать – извольте, а как все хорошо – не вспомнит.

– Есть старый анекдот, – сказал Звягин. – Родился мальчик, здоровый, нормальный, пора начать говорить – а он молчит. По врачам таскают, к светилам пробиваются, – молчит. Пять лет, шесть. И вдруг однажды после обеда произносит: «Бифштекс сегодня был горелый». Родители в ажиотаже: «Ах, ох, что такое, чудо! почему же ты раньше молчал?» – «А раньше все было в порядке».

– Ха-ха-ха, – сказал Гриша. – Ну и что?

– А то, что когда все в порядке, врачи никому не нужны. Мы вступаем в действие, когда что-то неладно. – Закинул ногу на ногу, крутнулся в креслице: они с сиреной проскакивали перекресток на красный свет. Заключил: – И просто – не нравится мне несчастная любовь.

– И почему бы это?

– А мне вообще все несчастное не нравится.

11. Как устранить соперника?

...Привыкнув решать задачи поэтапно, он сосредоточился на первой: вывести из игры нежеланного конкурента. Хм, стариннейший вопрос влюбленных... В средневековой Италии, скажем, попросту нанимали убийц. Не подходит. Во времена инквизиции хватало анонимного доноса – и неугодный исчезал. В д'артаньяновской Франции вызывали на дуэль и закалывали, чем упрочивали собственную славу. Тоже не то. Имелись способы простецкие: набить морду, отвадить угрозами, – иногда действительно, и даже справедливо отчасти, мужчине подходит сила и храбрость; женское сердце поощряет победителя. Но не всем дано выступать героями, и не всегда это помогает... Надо, чтоб она перестала обращать на него внимание, разочаровалась, чтоб он ей надоел. Итогом размышлений в конце концов явилась забавная страница в блокноте:

«Как устранить соперника.

- 1. Быть сильнее духом, чем он. Выдержаннее. Храбрее.*
- 2. Узнать о нем все, понять его до конца.*
- 3. Если можно – подружись с ним: другу легче вырыть яму, чем врагу.*
- 4. Копни его прошлое.*
- 5. Найди его союзников. Учи своих друзей.*
- 6. Найди ему врагов. Сыграй на чьей-то зависти или интересе.*
- 7. Выясни его слабые места. Научись использовать их. Борись с ним в том, в чем он слаб.*
- 8. Выясни его отрицательные стороны. Продемонстрируй их.*
- 9. Выясни его сильные места. Избегай столкновений в том, в чем он силен.*
- 10. Заставь его нервничать – это ведет к ошибкам.*
- 11. Заставь его совершать поступки, рисующие его с неприглядной стороны и роняющие в ее глазах.*
- 12. Хвали ей то в нем, что ей наверняка не понравится.*
- 13. Чрезмерно перехваливай ей то в нем, что ей нравится – это вселяет сомнение, недоверие.*
- 14. Не выказывай неприязни к нему – ты должен выглядеть доброжелательным и объективным: тогда тебе поверят.*
- 15. Каждую его черту оберни неприглядной: самолюбие – тщеславием и высокомерием, энергичность – карьеризмом*

и неразборчивостью в средствах, вежливость – подхалимажем и лакейством, юмор – цинизмом и пошлостью, неторопливость – тупостью, чувствительность – слабостью и слонтиязством, храбрость – жлобством, осмотрительность – трусостью, щедрость – низменными купеческими замашками, неторопливость – тупостью и т. п.

16. Любой его поступок объясняй низменностью мотивов и цели, но всегда не впрямую, а как бы хваля, одобряя, сомневаясь.

17. Внушить им недоверие друг к другу.

18. Скомпрометировать их в глазах друг друга.

19. Создать каждому неверное впечатление о другом, чтобы слова и поступки одного вызывали у другого не желаемый ответ, а непонимание, досаду, разочарование. В конце концов они должны стать антиидеалом друг для друга.

20. Если позволяет время – старайся завести их отношения в тупик, дать им исчерпаться, выдохнуться.

21. Выстави его немужественным: за трусость женщины может принять растерянность, равнодушие, расчет.

22. Извлекай пользу из любого случая. Организуй случаи сам».

12. Я вас насквозь вижу!

– Это только кажется иногда, что до человека никому нет дела. Кого-то ты обидел, не заметив; кому-то помог в труд-

ный час, и он помнит; почти всегда найдется тот, кто не прочь занять твое место в жизни – берегись его; а кто-то сделал тебе добро – и любит в тебе собственную добродетель, – со вкусом рассуждал Звягин.

– Итак: двадцать шесть лет, аспирант, папа-профессор, машина, неплох собой. Клад, а не жених; холост, не пьет, алиментов не платит. Значит, всегда найдется женщина, которой он нравится, которая имела бы на него виды, не прочь и в лепешку расшибиться, чтоб женить его на себе. Осталось ее найти...

Дальше. В аспирантуру желающих больше, чем мест. А он, кстати, не блистал в институте. И вряд ли папины связи не сыграли роли в гладком начале его карьеры. (Вообще люди удачливые обычно не подозревают, в скольких сердцах возбуждают зависть.) Наверняка есть знакомые или одноклассники, обиженные, обойденные им. Кто-то был влюблен в девушку, предпочевшую его. Кто-то перебивался в студентах на гроши, пока он одевался и веселился на папины деньги, кто-то мечтает о такой машине. Кое-кто не откажется насолить ему, отомстить за обиду или унижение.

Ну, а она? Средняя семья, обычная девочка. В брак по расчету не стремится. Во-первых потому, что пока вообще не торопится замуж: двадцать лет, красива, обаятельна, уверена, стало быть, что сможет выйти без проблем – а покуда жизнь весела и прекрасна, и можно наслаждаться молодостью, данной лишь раз. Вот года в двадцать три девушки на-

чинают дергаться: пора, накатывает страх засидеться в старых девах. Во-вторых, единственная дочь, балована, капризна, привыкла следовать своим чувствам – и не поступится ими ради выгоды: такая девушка хочет быть счастливой, делая то, что ей хочется.

Он искушеннее: испробовал соблазнов, настроен на карьеру – не идеалист, наверняка уверен, что «знает жизнь», следовательно, не слишком верит в людскую искренность и способен заподозрить расчет в любом поступке. Она наивна, доверчива и не знает людей: юность занята собой, благополучие позволяет не задумываться о несправедливости жизни, к хорошеньким девочкам все благоволят; она естественна. Такие натуры цельны, влюбляются до умопомрачения. А тот, кто руководствуется в жизни выгодой и удобством, предпочтет необременительный роман или выигрышную женитьбу. Помилуйте, да между ними пропасть, и не я буду строить через нее мост!

Он сидел перед пылающей печкой с видом заговорщика на конспиративной квартире – обдумывал то, что узнал за последние дни от Ларика, и составлял планы.

13. Знакомые бывают крайне некстати.

Осуществление планов началось в ближайшую субботу. В субботу Игорь повел Валю «выпить чашку кофе, посидеть», предусмотрительно заказав два места во вполне престижном

и дорогое заведение – варьете «Кронверк».

Зальчик был уютен, музыка ненавязчиво тиха, заранее за-
добренный официант фамильярно-услужлив, заказ продуманно дорог – атмосфера светской жизни, скромного время-
препровождения для избранных.

– Не жалеешь, что зашли сюда?

– По-моему, здесь неплохо. – Она улыбнулась, коснулась
его руки.

Потом свет мягко угас, направленные лучи сложились в
шатер, возникли почти нагие танцовщицы, извиваясь в со-
гласном ритме. Из темноты блеснули белки глаз и рдели си-
гаретные огоньки. И то, что за стеной чернел морозный ве-
чер, а здесь, в комфортном тепле, припахивающем кухней,
баром и духами, под вкрадчивую музыку переступали на вы-
соких каблуках стройные раздетые женщины, создавало осо-
бенное настроение причастности к тайному, естественности
того, что обычно не допускается, как бы разрешение на ин-
тимность. Зрители изображали, что смотрят не более чем
простое эстрадное представление.

Игорь счел уместным заметить, что танцуют они неважно:
здесь те, кто не попал ни в балет, ни в мюзик-холл (полуше-
потом слегка разрядил возникшее напряжение). «Хорошие
фигуры», – ответила Валя, отметив и его такт, и нарочитый
тон завсегдатая, и налитую ей рюмку. Интересно, что чув-
ствуют танцовщицы? Просто работа? Преодолевают стыдли-
вость – или наоборот, испытывают от этого удовольствие? А

в остальном они нормальные женщины – или профессия накладывает отпечаток на поведение? Или она просто ханжа?

Номер сменился, певец во фраке запел по-английски с хорошим петербургским акцентом. В зале расслабились, заговорили, звякнули вилками.

После перерыва сбоку площадки устроилась группа, грянула во все децибелы мощных колонок, вмерзшее в лед дерево корабельного корпуса запело в резонанс. Пошли танцевать.

Сделалось жарко и весело. Каблуки били в палубный настил. Конец мелодий покрывался аплодисментами. Хлопало шампанское, и пробки летели сквозь обручи табачного дыма. Праздник качал списанный в плавучие кабаки корабль.

Игорь извинился и вышел. Она отпила остывший кофе. К столику приблизился парень в вареной джинсовке:

– О, кого я вижу! Привет! – И прежде чем она успела ответить, хозяйски приобнял и мазнул поцелуем.

– Вы с ума с-сошли!..– (Врезать ему? Где Игорь? Драка будет?)

– Валечка, ты на меня еще сердишься? За что?

– Вы с ума сошли?!

– С каких пор мы на вы, Валька?

Вернувшийся Игорь с изумлением вникал в их беседу. Незнакомец обернулся, и на лице его отразилось понимание ситуации.

– Занята – так и сказала бы, чего комедию ломать, – бро-

сил он тихо, но не настолько, чтоб Игорь не расслышал. И вдруг – узнал, расплылся:

– Игорек! Вот кого не ожидал увидеть, – дружелюбно протянул руку.

Тот машинально пожал ее. Навис традиционный вопрос: «В чем дело?». Оказавшийся знакомым незнакомец повел себя непринужденно и расторопно:

– Это твоя дама?

– Именно, – как можно более весомо и значительно ответил Игорь. – Что за дела, Толя?

– Надо ж так обознаться, – Толя засмеялся, развел комически руки и, словно не веря глазам, внимательно взглянул на Валю еще раз. – Вы удивительно похожи на одну мою знакомую. (Постарался принять джентльменскую позу.) И вот в этом полумраке, под легким градусом, я принял вас за нее.

– Смотреть лучше надо, – выпалила Валя, злясь уже на Игоря, не вовремя отошедшего и имеющего таких знакомых, а сейчас туповато стоящего истуканом вместо того, чтоб осадить хама как подобает.

– Простите великодушно, – куковал Толя. – Я еще удивился – и зачем она прическу сменила? Старик, у тебя прекрасный вкус, поздравляю. Девушка, ваш кавалер – бывшая звезда курса, блистал в... короче, блистал. Дорогой, если даже незнакомые клюют на твою избранницу – значит, она стоящая, эта... человек. Простите, простите, я пьян, исчезаю, – он поклонился Вале преувеличенно вежливо, с каким-то за-

говорщицким видом, Игоря хлопнул по плечу покровительственно – и быстро удалился.

Игорь покачал головой и сел, посмеиваясь. Однако изгадить настроение куда проще, чем поднять. Что-то мешало ему отнестись к происшедшему как к мелкому и исчерпанному недоразумению...

– ...Милые у тебя однокашники, – дергала плечиком Валя.

Но через десять минут им уже опять было весело, все сгладилось, все было хорошо, когда он замолчал. Спросил:

– Откуда он знает, как тебя зовут?

– Понятия не имею. Он же сказал, что ошибся!

– Значит, его знакомая не только похожа на тебя, но еще и тезка?

Он завертел головой, встал, прошел по залу, выискивая Толика. Того уже не было.

14. Если друг оказался вдруг...?

Подозрение легко заронить и трудно рассеять. Проходящие дни не изгладили инцидент в памяти Игоря: «Та ли она, какой хочет казаться?» Как известно, ничто так не похоже, как полная невинность и большая опытность. Теперь при каждой встрече он приглядывался к Вале внимательнее, и сомнения язвили его самолюбие: неужели с другим, серым и заурядным его однокурсником, она?.. Валя почувствовала

перемену в нем, была то кротка, то обидчива, он махнул рукой – перестал думать о неприятном: так хорошо, когда все хорошо...

И тогда позвонил Толик – спросил с подтекстом:

– Старик, может, посидим, поговорим?

В животе у Игоря тихо и тягуче заныло. Они не виделись два года, никогда не были друзьями, – какой же есть повод для встречи, кроме того случая?

Толик ждал его в «Невском». Коньяк пили французский, сигареты курили американские, а девиц именovali Дженни (жгучая брюнетка!) и Дарья (русая коса). Ох не так прост этот Толик, ох жучок.

Толик возгласил тост, расточая Игорю комплименты. Девицы снизошли до беседы: моды, чеки и курорты. Вечер завился веревочкой, когда Толик трезво и улыбочиво проговорил:

– Старик, я невольно поставил тебя три дня назад в «Кронверке» в неловкое положение.

– Чем это? – небрежно возразил Игорь.

– Своей бестактностью, как бы скомпрометировав при тебе твою даму. Кстати, знаете, в чем разница между тактом и вежливостью? Когда джентльмен, войдя в незакрытую ванную и увидев там моющуюся женщину, говорит: «Простите, миледи», – это вежливость. Когда он говорит: «Простите, сэр! – это такт».

– Ты ведь извинился за ошибку.

Толик снисходительно потрепал Дженни:

– Заяц, я похож на человека, совершающего ошибки?

– Не слишком...

– А на человека, встающего другу поперек дороги? Какая-то девочка не стоит того, чтоб... э, их так много, а друзей так мало. – Он достал из роскошного бумажника фотографию и протянул изображением вниз: – Возьми. Больше я с ней незнаком. Будь здоров, хлопнем!

На фотографии Валя стояла у Эрмитажа, глядя вдаль, а Толик обнимал ее за плечи. Снимок был некачественный, любительский, но ошибка исключалась: знакомый норвежский свитер в крупную шашку, джинсы с наколенным карманом.

– А знаешь, что в ней лучше всего? – с мужской доверительностью наклонился Толик. – Родинка на левом плече. Пикантна – чудо!

Игорь усмехнулся деревянно. Значит, правда. Мммм... Дрянь! И с кем – с этим ничтожеством...

– Откуда, собственно, столько благородства? – спросил понебрежней, стараясь ставить себя выше собеседника и ситуации.

– Может, и ты мне ответишь когда-нибудь добром за добро, – с дружеским цинизмом сказал Толик. (Намекает на семейные связи?) – Не всю жизнь мне бабки делать, надо думать и о карьере, так?.. А куда ткнуться? Глядишь, друг-одноклассник и замолвит словечко, на кого ж еще в жизни опе-

реться, верно?

Рюмка услужливо наполнилась. Время убыстрилось в карусельный галоп. Ресторан уже закрывался. Красавица Дарья смотрела на Игоря с открытым призывом.

Ревущий, как авиалайнер, ансамбль объявил последний танец. Женщина льнула к нему, как лоза, длинная стройная нога обвивала его ногу.

– Я провожу... тебя... вместе... – составил он фразу.

Алкоголь, обида, вожделение баюкали его. Вдруг оказались погасшими огни в зале. Толик уходил с обеими девушками под руки. В гардеробе не находился номерок в вывернутых карманах. Промерзлый до звона Невский понес страдальца наискось.

Телефонная будка заиндевели. Он разбудил Валю звонком:

– Я все знаю!..

– Что – все?

– Все. Сейчас к тебе приеду.

– Что случилось? Уже ночь, родители спят. Что случилось?

– А-а, спят...

Ненависть, одиночество, жжение одураченности мешали находить слова, и так ускользающие.

– Пошла ты...

Пи-пи-пи, пожаловалась телефонная трубка.

15. Еще пара таких друзей – и врагов не понадобится.

Звягин вторично посетил Толика в конструкторском бюро. Головы повернулись от кульманов и компьютеров (милое соседство! СССР на пороге XXI века). Толик махнул приветственно и вышел в коридор. Батарейка под замерзшим окном еле теплилась.

– Под-донок он.

– Почему? – мягко улыбнулся Звягин.

– Потому, что его вышибли бы из института, если б не папины связи. Потому, что занимает не свое место в аспирантуре...

– Твое, что ли?

– Мое! – с вызовом ответил тот. – Я получил красный диплом, шел вторым в потоке. И – не прошел... в аспирантуру по конкурсу. А он – еще бы: завкафедрой – папин друг, дальняя родня, свой клан.

Звягин сощурился: бывает интересно слышать то, что ты уже знаешь...

– ...заморочит голову еще одной девчонке. Ненавижу всю эту породу устроенных в жизни подлецов.

– Вот и я подумал – чего ей зазря пропадать, – согласился Звягин.

– А вам, можно полюбопытствовать, что до нее?

– Люблю все красивое, – фатовато приосанился Звягин.

Толик глянул на часы в конце коридора и поежился.

– А вообще вы шантажист. Откуда фотография-то?

Кадр был щелкнут три дня назад в коридоре ее института. Хозяин фотолаборатории привел туда приятеля и отснял, когда студентки проходили мимо. Затем потратил полдня, подгоняя и шлифуя фотомонтаж: наложил изображение Вали, попавшей на снимок, на данную Толиком фотографию – он стоял у Невы в обнимку с приятелем.

Толик выковырял из бумажника семь рублей:

– Держите; все, что осталось от этого цирка в кабаке.

Звягин аккуратно расправил и спрятал деньги. Меценатом себя отнюдь не числя, весь груз материальных расходов он взвалил на Ларика: «Ты – заинтересованное лицо, тебе и платить, дражайший. А ты как думал? без денег, знаешь, ни в дугу, ни в Красну Армию».

– Благодарю за службу, – кинул он. – А где ты девок нашел?

– Да там же, снял в кабаке. Наплел им... А кр-руты, тц!..

«Второй раунд в нашу пользу. Едем дальше. Человек, который привык обманывать других, легко может быть обманут сам: он может поверить во что угодно, ибо полагает, что любой может обмануть».

16. Вещественные доказательства оспаривать трудно.

Игорь расположился за столиком в позе следователя из дурацкого фильма.

– Приятный молодой человек. – Предъявил фотографию. – Да?

Она уставилась в недоумении. Подняла глаза:

– Что это значит?..

(Неестественная интонация. Точно неестественная.) (А как же ей быть естественной, если человек ничего не понимает впрямь?)

– Это значит, – он изобразил жесткую усмешку, – что твой бывший кавалер рыцарски уступил тебя мне. И даже угостил ужином в ресторане в знак своего расположения.

– Не понимаю...

– Слушай, не надо вешать лапшу на уши. Ты не умеешь врать.

– Не умею. Потому и не вру.

– Ты с ним долго была... знакома?

У Вали задрожали губы. Беспомощность и растерянность могли быть истолкованы как маскировка для сокрытия вины.

– Я не понимаю, что это значит! Он же сам тебе сказал, что принял меня за другую!

– Сказал одно, показал, как видишь, другое. Да и сказал наедине тоже другое. Это твой свитер?

– Я не знаю его! – крикнула она.

– Гм. Откуда же он знает тебя?

– И он меня не знает!

– Да?

– Да!

– Тогда откуда он знает, что у тебя родинка на плече?

Она невольно поднесла руку к плечу, и этот жест убедил Игоря в своей правоте больше, чем все остальное.

– Я не зна-аю... – с молящей убедительностью прошептала она. – Я не знаю, что это значит. Я не знаю, что это за фотография. Я клянусь тебе, что говорю правду. Господи, Игорь... Если ты правда любишь меня, как говорил, ты должен мне верить... Понимаешь? Пусть весь мир перевернется, пусть все будет против нас, пусть тебе скажут обо мне все, что угодно, ты должен верить только мне, слышишь?..

Он отвел глаза, помолчал; вздохнул с тем сожалением, с которым человек утверждает в нежеланной для него истине:

– Ты не хочешь мне все рассказать? Я пойму... Я прощу все, только скажи честно, слышишь?..

Она смахнула слезу. Борьба чувств доходила до головокружения. Гордость взяла верх.

– Уходи. Если ты мне не веришь – ты мне не нужен.

– Да как же тут верить?! – возопил он.

– А просто – верить.

Он тяжело произнес:

– Если я уйду – то уже не вернусь. – И было слышно, что сказал правду.

Валя вскинула голову:

– И не смей больше приходить ко мне, слышишь! Я не хочу больше видеть тебя!

Закрыв за ним дверь, упала на диван и разревелась. (Какая к черту сессия, какие зачеты!..)

17. Не ищите женщину – она найдется сама.

Мрачность Игоря не прошла незамеченной. Он угрюмился в лаборатории, излучая непоправимое несчастье. Как известно, женщины лучше ощущают чужое состояние, и мужчина (если он в меру молод, или неплох собой, или круто стоит и т. д. – короче, годится) может скорее рассчитывать на женское участие, нежели мужское. Тем более что в наше время наличествует сверх избытка одиноких и неустроенных женщин, всегда готовых обратить внимание на неполадки в жизни сильного пола, и устранить их по мере – или сверх меры – своих возможностей. (Ну как тут не вспомнить сэра Оскара Уайльда: «Женщина может изменить мужчину одним способом: причинить ему столько зла, чтоб он вовсе потерял вкус к жизни». Консервативные британцы! У нас чаще на-

оборот – мужчины таким образом изменяют женщин; или – женщинАМ? так и просится каламбур.) И какая-нибудь из таких женщин – если не несколько – всегда оказывается рядом в нужный момент.

В данном случае женщину звали Ларисой, была она старше Игоря на два года (нынче модно, чтоб женщина, как глава семьи, была постарше), растила дочку от мужа, с которым разошлась, и работала на той же кафедре старшим лаборантом.

- Заболел? – с чуть шутливым участием обратилась она.
- Здоров, – мрачно отвечал наш герой.
- Разбил машину, – ужаснулась Лариса.
- Машина на стоянке, зимует.
- Родители ущемляют свободу единственного чада.
- Займись своими делами.
- Влюблен, – протянула Лариса, – причем неудачно. Ой, какая прелесть! Я уж думала, с нынешними мужиками этого не случается.

– Интересно, – спросил Игорь, – дойдет ли эмансипация до такого уровня, чтоб мужчина мог заехать женщине в рыло?

– Уже дошла. И заехать могут куда угодно, – бестрепетно согласилась Лариса. – Бельмондо чуть не в каждом фильме лупит женщину, и это вызывает бурный восторг зала. Мужчины всегда были настолько сильны и храбры, что лупили жен. Эмансипация родилась из естественной реакции жен-

щин дать сдачи. Пошли.

– Куда?

– Обедать. Перерыв начался.

После второго, прихлебывая тепловатый эрзац-кофе (в столовой тоже холодрыга), сказала дружеским тоном равно-го:

– Игорек, что ты сходишь с ума? Самолюбие заело? Уж тебе-то – неужели девушек не хватает? Послушай меня, плюнь, я баба, мне лучше знать, как должен вести себя мужчина.

– Вот и плюю...

– Как ее зовут?

– Какое это имеет значение. Валя.

– И сколько ей лет?

– Двадцать.

– И ты, взрослый, видный мужик!.. О времена! Мне б ва-ши заботы. Когда я расходилась – насмотрелась, как слаб и смешон нынешний повелитель природы. Ни силы, ни вы-держки, ни благородства. Не будь современным мужчиной, милый.

– Быть несовременным?

– Быть просто мужчиной.

– Это как?

– И еще спрашивает женщину... Слушай, нет такой де-вушки, которая устояла бы перед настоящим мужчиной. Только не теряй голову.

– А если она уже потеряна?

– Ох, тогда не потеряй еще что-нибудь ценное.

Ничто так не подкупает мужчину, как своевременное и несентиментальное дружеское участие женщины – при условии, что женщина неглупа и привлекательна. Дружба настоящей женщины – мощное подспорье в житейских штормах. Лариса была настоящей женщиной – танк, который гуляет сам по себе. Работа, ребенок, однокомнатная квартира, доставшаяся после размена жилья – самодостаточность современной подруги, стоящей на своих ногах и не надеющейся на чужие руки.

Они «по чуть-чуть» вечером выпивали на уютной кухоньке: бра, раскладное креслице, салфетки, проигрыватель, и разговаривали, как сто лет знакомые (вот умение пойти в мать).

– Что за идиотство – припирять к стенке девочку, – пожимала плечами Лариса. – Если ты знаешь правду – зачем тебе признание? Из упрямого самолюбия? Имеешь лишнего туза в рукаве. Будь ты взрослее и умнее ее! Может, она отчаянно боится, что ты узнаешь ее грехи? Считает себя недостаточно хорошей для тебя, так любит? А ты – пачкать ее в своих глазах перед ее глазами... А если она хочет отрезать и забыть все, что было до тебя? Это должно только льстить, дурачок!

Это женщины-то не в ладах с логикой? Успокоительный бальзам лился на измученную душу.

– Попросить у нее прощения?

– Еще не хватало. Хочешь быть в ее глазах идиотом, за-

крывающим глаза собственные на очевидное и поступающим самолюбием?

– А что же мне делать? – Деморализованный человек только ведь и ищет, кому бы сунуть этот вопрос: вдруг ответ спасет?

– А делай вид, что ничего не было. Проехали, ясно? Она будет благодарна за ум и такт. Новый год вместе встречать собирались?

– Собирались, конечно...

– А где?

– На родительской даче, в лесу...

– Пригласи ее завтра же, три дня осталось, девочка известна!

– Думаешь?..

Игорь стал соображать. Лариса поставила Раффаяэлу Карру. Из духовки запахло допекшимся до кондиции тортом.

– А ты где встречаешь?

– Со старыми друзьями.

– Это – железно? – Помолчал, улыбнулся: – Жаль.

Лариса подняла тонкую изогнутую бровь:

– Ты хочешь пригласить меня?

– Одну или вдвоем – как захочешь прийти. Будет весело. А?

– Ну, если все будут так веселы, как ты сейчас, то я лучше посижу дома и послушаю «Плач замученных детей Малера».

Но он уже что-то задумал.

– Правда – плюнь на этих друзей, а? Может, пригласить для тебя кого-нибудь? Найдем такого парня!

Она взъерошила ему волосы:

– Милый, свою жизнь я привыкла устраивать сама. За приглашение спасибо, но... Э нет, только без этого! Иди-ка домой, спать пора.

18. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда узнаешь, что Рождество бывает только раз в году.

Над елями белела луна, серебра снег на крыше и перилах. Полыхающий в комнате камин клал подвижные отсветы на скрипучие половицы. Дача была хороша, и компания под стать.

Стол ломился, елка благоухала, магнитофон гремел; отлично веселимся!

Валя сравнивала себя с другими женщинами: они были взрослее, раскованнее, лучше одеты... Выглядеть «девочкой» Игоря было лестно – и унижительно. Он – хозяин, красивый, богатый, его значимость переходила и на нее; но ей казалось, что ее воспринимают как принадлежность застолья, Игореву очередное развлечение: снисходительность к очередной яголке не нашего лесу.

Ослепительно выглядящая Лариса – женственная, уве-

ренная, – совершенно затеняла сопровождающего ее стертого шплинта.

Пока гости прогревались коктейлями, прогрелась и дача. Застучали стульями вокруг стола, телевизор засветился, куранты зазвонили, шампанское хлопнуло салютом:

– С Новым Годом!

– Счастье – достойным!

– Ура!

Грохнули хлопушки, осыпая конфетти на головы и блюда. Зашипели искристо голубые бенгальские огни. Чокались, накладывали, жевали.

Игорь, само собой получалось, больше разговаривал с друзьями, чем с Вале́й («Мог бы быть внимательней»). Она поддерживала беседу, когда ей давали пас, оттенок отчуждения не исчезал («Строит из себя скромницу? Обижается?»).

Поднажрались. Пошли танцевать и обжиматься.

Тихо, скромно держалась Лариса – безо всякого ущерба для своего зрелого сияния. Среди ночи она оказалась сидящей с Вале́й на угловом диване.

– Я в первый раз здесь, – завязался разговор. – Славно, правда? И народ чудесный.

Валя отвечала неопределенно.

– Не нравится, да? – приоткрыла улыбку Лариса. – Свой круг. Сливки общества. Соответствующие родители. Ну и, конечно, – мы-то не то, что некоторые, с толпой не смешивать... Вы где учитесь?

Ответ ей понравился.

– Я тоже невысокого полета птица, – призналась союзнически. – Образование умеренное, лаборантка, хотя и старшая. – И, переходя на ты: – Твои родители кто?

– Не профессора, – сказала Валя.

– И не генералы, значит. Так что мы здесь обе с тобой, выходит, для украшения общества. Ведь развлекаться не обязательно с равными, точно?

Контакт! – есть контакт. Лариса делилась опытом. Старшая женщина рассказывала о жизни. Валя внимала мудрости. Счастье у каждой свое, но как много общего в путях горя и радости.

Веселье разобралось попарно. Подходили к столу, уединялись где-то, смыкались в недолговечные кучки. Лариса оставалась сама по себе, легко улыбалась, говорила негромко, и если бы Валя следила за ней внимательнее, то могла бы заметить и указующие на нее движения глаз, и тихое втолковывание о чем-то; Ларисе чуть кивали, понимающе и согласно.

Повалили гулять – лес! лес! луна! новогодье! Мороз обжигал. Скрипел и визжал снег под ногами. Туманный радужный ореол стоял вокруг луны, и разноцветные звезды плясали в черноте.

Вернулись окоченевшие, с хохотом толкались у камина, разлили «для сугрева». Смуглый жиреющий крепыш, не то Прохор, не то Эльдар, принял позу статуи Свободы:

– Пора выпить и за хозяина! Хлебосолен тот, кто стоит в

жизни двумя ногами. Да, мы знаем, чего хотим – всего хотим! И некоторые – Игорь, поклонись! – это имеют. Да, мы не пишем стихи в молодости, зато не будем писать жалобы в старости! – картинно остановил аплодисменты. – Выживают сильнейшие – мы выживем! Не Дарвин придумал это – он заимствовал теорию Гоббса, его знаменитую «войну всех против каждого». Так пожелаем же в новом году Игорю – знаете чего? кр-рутого восхождения и настоящей карьеры, худого тут нет, это достойно настоящего мужчины! а себе – богатого и всемогущего друга!

После знаменательного тоста крутой восходитель упился с какой-то умопомрачительной быстротой. Вроде и пил не много, но как-то осовел, окосел, окривел и пополз со стула, выпустив слюну. Его поймали и прислонили.

Валя наблюдала с неприятным удивлением. Ему это не шло. Воспитанный, умный, изящный... тупо гогочет и тычется лицом в тарелку. Его вывели проветриться: в дверях он заскрежетал и выметнул меню. Бедненький... но противно...

– Ты за него держись, – пьяно внушала высокородная се-ледка в фантасмагорическом макияже. – С ним не пропа-дешь. У него отец знаешь кто?.. И сам умеет...

19. А не ходи в наш садик, очаровашечка.

Первая электричка прогремела за лесом. Пары разбрелись по комнатам и лежбищам. Тишина установилась – живая, дискомфортная. Игорь храпел и захлебывался наверху, укрытый поверх одеяла ковром.

Лариса зажгла газ, поставила греться ведро и кастрюлю с водой. Заварила чаю, окликнула забытую всеми Валю:

– Садись, попьем. – Разгребла край стола, отрезала два куска торта. Рассуждала тихо, по-бабьи:

– Если он тебе нравится, дорожишь им – тут нужна женская тактика. Надо понимать мужчину, каков он. А он – человек трезвый, недоверчивый, достаточно рациональный. Так?

– Недоверчивый – это точно... А ты откуда знаешь?..

– Так мы же работаем вместе. И не забывай – я уже побывала замужем, муж был старше него. Э, поживешь с мое – будешь видеть все эти вещи как на ладони...

Валя кивала задумчиво, глядя в дотлевший камин.

– На что поддается мужчина? На женский каприз. На изменчивость. Вот когда женщина начинает выбрыкивать, показывая, что если не хочешь – то как хочешь, иди пасись, – тут-то он начинает стелиться.

«А то я сама этого не знаю. Просто – мне было раньше

хорошо с ним, и не хотелось выбрыкиваться. Наверное, иногда надо».

– А еще мужчина ценит, когда женщина дорого ему обходится. Ведь все в жизни стоит столько, сколько за это заплачено. А поэтому – поверь, не стесняйся с ним. Капризничай. Давай понять, что подарки – дело нормальное.

– Да не нужны мне его подарки! – Валина душа возмутилась этим странным и пошловатым сватовством.

– Глупенькая, – с материнской лаской Лариса обняла ее за плечи. – Не тебе нужны – ему, чтоб уважать тебя. Попробуй им повертеть – станет как шелковый.

Они стали мыть посуду – застывшую осклизлую гору. Лариса сняла кольца, засучила рукава, влезла в чей-то старый халат, – работала она со скоростью и сноровкой моечной машины; вообще ее женская сноровка и умение внушали доверие.

– А теперь – поехали отсюда, – сказала она, обтерев руки и закурив. – Сегодня тут будет неинтересно. И пусть подумает, что ты обиделась.

У замерзшего окна электрички продолжала поучать:

– Хочешь замуж – умей подстроиться под него, даже – играть им.

«Да не хочу я подстраиваться! И хочу ли замуж...»

– Пьет? Кто ж не пьет. Зато изменять тебе никогда не будет.

– Это почему? – не уловила связи Валя.

– А он женщинам не нравится, – объяснила Лариса. – Так что тебе будет спокойно.

Валю эта перспектива почему-то отнюдь не вдохновила.

– Как это он не нравится?..

– А он еще как-то в студотряде жаловался друзьям, что ни одна с ним по вечерам гулять не хочет. Тут... может, я зря тебе это бухнула, но всегда лучше знать все.

– А все-таки – почему ж не нравится? – всерьез заинтересовалась Валя.

– А ты сама не чувствуешь? Не видишь? – Лариса махнула рукой. – Ну... нет...

Валя промолчала, не возразила... Лариса открыла, вздохнув:

– Страсти в нем нет. Мужик не чуется. В мужчине должен быть какой-то железный стержень, понимаешь? Размах – настоящий, от души, а не рассчитанная трата папочкиных денег. «Горе от ума» проходила в школе?

– Это к чему?..

– Мужчина должен быть Чацким. Романтик, бунтарь, одиночка, умница. А этот – Молчалин. Аккуратный в делах, послушный начальству... а на самом деле – никакой.

– Да нет! – отвергла Валя. – Он и шумный бывает, и веселый, и резкий, и вообще...

– С кем это – резкий? С тихой девочкой? С женой и хомяк резкий. Веселый... Это просто – конформизм, современный стиль поведения. Он – не способен умыкнуть девушку

ночью на коне, или поплыть в одиночку вокруг света, или... короче, не романтический идеал, а вот для жизни – самый подходящий муж. С ним как захочешь устроиться, так и будет.

Просидевшие десять лет в одной тюремной камере две женщины после освобождения еще сорок минут разговаривали за воротами; здесь эпилог последовал уже на перроне метро:

– Ты только меня не выдавай, не проговорись: мы с ним все-таки работаем вместе, знаешь – сплетни в коллективе... Вы – двое хороших людей, будете счастливы... Я тебе все говорила, чтоб ты не повторяла моих ошибок, Валечка. Чтоб замуж шла не за мужественного подлеца по безумной любви, а за надежного парня, который и материально обеспечит, и к другим не пойдет. А окрутить его просто...

Дома Валя долго стояла под душем, меняла обжигающий на ледяной, пока не почувствовала себя чистой. В свежих простынях думала еще, засыпая, о прошедшей ночи, и морщила носик брезгливо и пренебрежительно.

20.

Игорь проснулся от холода и головной боли. Солнце лопилось сквозь морозные узоры. Снизу – музыка и смех.

«Как я умудрился так напиться?» (И очень просто. Добрая Лариса припасла склянку с медицинским спиртом, каковой

и подливала ему во все пойло, сколько сумела.)

– Ура хозяину! – приветствовали внизу, весело опохмеляясь у огня. – А где же твоя Валя? А Лариса? Кто из них твоя?

Они были ближе к истине, чем он мог подумать. Кто помогает тебе строить хитроумные планы достижения твоей цели – тот, гораздо вероятнее, использует тебя как фигуру для целей собственных. Игорю нужна была Валя, Ларисе же, как можно догадаться, сам Игорь. На ее стороне было то неоценимое преимущество, что ее планы сохранялись в тайне, и что, давая советы, она приближала Игоря к своей цели, оставляя его в иллюзии, будто близится к своей. Узнать это ему было не суждено.

– Ты напоминаешь сейчас анекдот об англичанине, которому довелось пить с русскими. На завтра он ответил о впечатлениях: «Вечером я боялся, что умру. А утром пожалел, что вчера не умер».

Хохот покрыл слова.

– А девочка милая, свеженькая такая.

– Смотрела на тебя, как кошечка на балык.

– А тебе не кажется, что она хищница?

– На крючочке Игоречку, может статься, и болтаться!

Похоже, незаметная подготовительная работа Ларисы не пропала даром. Общественное мнение было сформировано. А услышать такое, с похмелья, от старых знакомых, – это впечатляет. Тем более что мнение твое о человеке не устоялось. Сомнение – страшная в любви вещь: дух лишается

устойчивости и готов склониться к любому услышанному выводу, жажда поддержки извне.

Несчастный хозяин выпил налитое и закусил протянутым, соображая с трудом и без серьезности: «Уехала, бросила... захомутать решила... Посмотрим...» Почему-то он решил, что напился из-за нее, от расстройства, и скверное самочувствие переросло в неприязнь к ней, словно она во всем виновата, а потом бросила его в тяжелую минуту.

И даже то, что перед уходом она вымыла посуду и навела порядок (вместе с Ларисой?), вменялось ей в вину: «Ишь, какие мы самостоятельные, как по-хозяйски держимся».

21. Умными мы считаем тех, кто с нами согласен.

– Ты с ума сошел, – сказала Лариса второго января на работе. – Разве можно так себя вести? Пригласил молоденькую девочку в незнакомую компанию, а сам? Каково ей было – подумал?

Игорь побурчал. Вечером накануне он уже звонил Вале: мать отвечала – нет дома (Валя следовала полученной инструкции – пусть помучится!).

В обеденный перерыв сели вместе.

– Тебе нужно выработать линию поведения, бестолочь! Скажи спасибо, что я ее проводила... Ты был омерзителен, и прочие не лучше. Будь я моложе – плюнула бы... а так –

жалко стало девчонку: вспомнила собственные мытарства.

Она повернула лицо в выгоднейший ракурс, освещение в столовой было отнюдь не слепящее – хилое, и Игорь смотрел с оценивающим удовольствием, ничуть не стара, кокетничает, в чем-то, объективности ради, – даже красивей и женственней Вали.

– Плевать я на нее хотел, – неискренне сообщил он.

– Неврастеник как тип современного мужчины, – вздохнула Лариса. – Это вас и губит. Не видать тебе ее, как своих ушей.

– Почему?

– Эпоха коллективного невроза. А если женщина нервная, ей необходим мужчина – выдержанный: надежный, невозмутимый. Которому ее капризы и закидоны – что ветерок каменной скале. А ты – скала? Мельница ты на складной табуретке.

Игорь размышлял до конца дня – столь же старательно, сколь безуспешно. Перед уходом взялся за телефон.

– Не звони, – тихо предостерегла Лариса (начеку, как кошка).

– Почему?

– Будь выдержан. Ты ни в чем не раскаиваешься. У тебя свои дела. Твое поведение не зависит от ее капризов.

Он послушался. Напросился в гости: чего-й делать-то?.. Ах, как нуждаемся мы все в советчиках в подобной ситуации! И как нельзя никаким советчикам доверять!

У Ларисы было тепло даже в эту лютую стынь, когда в обычных домах стояло десять градусов: электрорадиаторы, плотно заклеенные окна; и это тепло придавало дополнительную достоверность ее словам, как и быстро накрытый стол, ловкость движений – она все умеет, удача ей сопутствует.

– У нее свои тайны, как у всякой женщины. Она недоверчива – пуганая ворона куста боится. Ее душа съежилась, понимаешь? Ей нужен покой, уверенность, надежность в мужчине. Поэтому старайся никогда не сердиться – но и никогда не приходить в восторг. Лучше флегматичность, чем дерганье. Девочка простая, не без комплекса приобретательства и потребления. Не забрасывай подарками – разбалуеть и горя не оберешься. Нас надо ставить на место сразу. – Лариса затянулась сигаретой, оттачивая формулы:

– Всегда будь выдержан.

Сразу ставь на место, давай чувствовать свою значимость. Если делаешь подарок – дай понять его ценность.

Встречайся с ней каждый день. Быстро привыкнет, и возникнет необходимость в этом.

И – для своего и ее блага будь рассудочен в поступках и словах.

От формул естественно и незаметно перешли к реальной жизни, о своем заговорили: Лариса вздыхала об ошибках, посмеивалась над собственной незадачливостью...

«Она, бесспорно, очень умная женщина», – думал Игорь.

Увы – умными мы считаем людей, которые говорят то, что мы хотим от них слышать. Умными – и хорошими...

22. Меценат в кругу семьи.

Звягин чувствовал себя коварным, как Макиавелли, и неотразимым, как Дон Жуан.

– Ура! – сказала дочка. – Папкин Дон Жуан!

Из-под мышки у нее торчала «Республика ШКИД».

– В такой холод стоять под дверьми – простудишься!

– Любовь согреет, – небрежно ответила дочь.

– Что?!

– Мы с мамой сегодня об этом разговаривали.

– О чем – «этом»? – осведомился Звягин, засыпая полированные уксусом пельмени густым слоем перца.

– Ты лучше расскажи: она тебе нравится?

– Прелесть что за девочка, – признался Звягин.

– Ого, – отреагировала дочь, прицельно похищая из его тарелки самый наперченный пельмень.

Жена стала жевать медленнее.

– Мама ревнует, – нахально выдало дитя.

Мама схватила длинную деревянную ложку и с замечательной крестьянской сноровкой звучно щелкнула ее по лбу.

– Милые замашки советских учителей, – спокойно констатировала та, потирая лоб. – Теперь понятно, почему твои ученики не блещут способностями, хотя непонятно, почему

именно ты на это жалуешься. Ты же из человека все мозги вышибешь.

– Уже, – сказал Звягин.

– Что – уже?

– Уже вышибла.

– Трудно вышибить то, чего нет, – возразила жена.

– Выставляю из-за стола, – предупредил дочь Звягин.

– Долой дискриминацию, – был ответ. – Не буду тебе в старости корочки жевать. Личный состав может быть наказан, но обязан быть накормлен. Мое место здесь.

– Твое место у мусорного ведерка!

В разрядившейся атмосфере жена заметила:

– О себе я таких слов не слышала, милый.

– Есть маленькая разница, – утешила дочка.

– Какая?

– На тебе он все-таки женился.

Звягин подбросил в печь дощечки.

– Почему каждый раз, – пожаловался он, – когда я сталкиваюсь с интересным случаем, это превращается дома в обсуждение моей же личности?

– Уж такая у тебя личность, – посочувствовала дочь. На самом деле не существовало в доме большего удовольствия, чем обсуждать очередное папино завихрение; хотя для жены это удовольствие бывало болезненным, что, впрочем, сопровождает многие удовольствия.

– Теперь ты знаешь о ней достаточно? – спросила жена,

нарезая кекс.

– Да. Нормальный человек из нормальной семьи. Не стерва, не карьеристка. Никаких пороков не выявлено, положительный член общества. Просто жизни в ней больше, чем в других. Значит – должна в молодости перебеситься.

– Короче, Наташа Ростова, – заключила жена.

Звягин подозрительно повспоминал насчет Наташи Ростовой.

– Да нет, – сказал он. – У них доход скромнее.

Жена фыркнула и почесала нос о плечо.

– Леня, – задала она традиционный вопрос, – неужели ты всерьез веришь, что тут можно что-то сделать?

Звягин посвистел.

– Постоянное недоверие меня обижает, – пожаловался он.

– Да ты же не Господь Бог!

– Станет он заниматься такими мелочами. Ты пойми, наконец, что все на свете очень просто; и вообще существуют люди, для которых соблазнение женщин – просто работа! и только.

– Это как? – удивилась жена.

– Профессия: сутенер, – объяснила дочка.

– Это где?

– У них, у них, у них, – сказал Звягин. – У нас сами бегут и проходят на спецработу по конкурсу. А там мужчины соблазняют девушек, причем выбирая самых красивых, и затем продают их в публичные дома.

– При ребенке!!

– Здоровая нравственность педагога оскорблена, – подержал ребенок. – Ты это к чему, пап?

– Что существует набор профессиональных приемов, воздействующих на психику, душу, тело и прочее. Им платят с головы – они торопятся – у них конвейер! Так неужели нормальный парень, который жизнь готов положить ради своей любимой, не сможет влюбить ее в себя? Не верю.

– А разлюбить тоже можно заставить?

– И раз в сто проще, чем полюбить.

– А может, – здраво рассудило младшее поколение, – как раз надо помочь ей добиться удачи с тем, кто ей нравится? Почему ты берешь на себя ответственность решать?

– А кто ж ее на себя возьмет? Кто-то должен. С Богом вопрос туманный. Провидение слепо (если допустить, что оно есть). Ну, за неимением более высоких инстанций, вмешиваюсь я. Или ты полагаешь, что течение дел надо скорее предоставлять слепой фортуне, нежели твоему сравнительно зрячему отцу?

– Но твой мальчик – не сутенер, он любит ее, – вздохнула жена. – Он не сможет хладнокровно рассчитывать и действовать!

– Рассчитываю я, – бездушно сказал Звягин. – А действовать он сможет – й-я сказал! Никуда не денется, иначе шею сверну!

23. Последствия женских советов.

Ничто так не похоже на истину, как тщательно продуманная ложь, доступная по форме. Такая ложь более походит на истину, чем сама истина.

Игорь пошел в атаку на мираж, услужливо нарисованный ему и совершенно понятный; ах, да кто ж из влюбленных не атаковал миражи.

Малейшая ошибка и фальшь в начале любви особенно пагубны: искажение проекта и кривизна фундамента здания сводят на нет всю дальнейшую работу, даже добросовестную: чем больше надстраиваешь, тем вернее рухнет.

Звягин просчитал ситуацию с бесстрастностью арифмометра.

Игорь через неделю начал тяготиться взятым на себя обязательством видеть Валю ежедневно: любовь, как известно, не терпит обязательств – охота пуще неволи.

Лариса, новая закадычная подруга влюбленных – но каждого по отдельности! (о комедия, старая, как мир!) – вела свою партию, как опытный пулеметчик – свинцовую строку, отвоевывая свой кусок счастья. И спать она ложилась теперь в настроении ровном и прекрасном, засыпала без седуksена, и сны видела цветные и с музыкой.

Игорь же отходил ко сну строевым шагом, твердо спланировав следующий вечер: кафе, кино, гости, книга в подарок

и разговор о литературе.

«Она хочет меня захомутать... глупая девочка, место надо завоевывать в сердце, а не в доме... господи, будь ты естественнее».

«Он организованный деляга... бюргер... жалко все-таки, что в нем есть это...»

За каждым поступком одного – другой видел подтекст, и подтекст не соответствовал действительности. А недоверие – это и есть та бледная тонкая травинка, которая неуклонно растет и взламывает асфальтовое шоссе.

– У тебя были девушки до меня? Много, наверное?

– В общем даже и вовсе не было...

Если ждал ее, единственную, – это одно; это прекрасно. Если же просто не привлек ничьего внимания – это совсем другое... Ценность особи во многом определяется тем, какому количеству особей противоположного пола она нужна. На славу соблазнителя летят, как мотыльки на свечу. Что Дон Жуан без своей репутации! Можно любить неприметного анахорета, найдя в нем изюминку и изливая женскую заботу и нежность. Но человек без изюминки, внешне привлекательный, который, однако, никого не привлек... странно, тут что-то не то. Да тот ли он, кем кажется? Ибо казаться поначалу привлекательным мужчиной и быть привлекательным мужчиной – две большие разницы.

Итак, в нем есть какой-то изъян, формировался итог Валиных размышлений. Размышления были постоянны, что

свидетельствовало о серьезности ее увлечения.

Но поведение его было таково, и отношения складывались так, что увлечение это подтаивало с каждым днем, как мартовская льдина, еще сохраняющая размер и блеск, однако теряющая плотность и прочность.

Расписанность всех его планов вызывала в ней ощущение вещи, которую он стремится вписать в свое благополучие. Разговоры о добропорядочном устройстве семейной жизни высасывали из атмосферы кислород: рядом с ним словно делалось труднее дышать. Возможно, все это были просто плоды ее воображения: воображение двадцатилетней девушки – вещь хрупкая и опасная, требует понимания и бережности в обращении.

Вечером по средам он был занят на заседаниях кафедры, после окончания звонил ей.

Телефон не отвечал – он набирал до середины ночи. Родители ее были в отъезде, она обещала ждать. Странно! Странно!

(О мелочи, мелочи, – Ларик разобрался в проводах на лестничной площадке и разъединил.)

– Где ты была вечером? – стараясь хранить легкость и доброжелательность, спросил Игорь назавтра.

– Дома.

– А почему никто не отвечал?

– Я уже сама переживала, у нас телефон испортился.

Испортился; именно в тот вечер, когда он не мог с ней

встретиться; испортился, что ж такого, бывает. Она понимала, что он ей не совсем верит, от этого надулась, потом постаралась убедить в своей правдивости, потом разозлилась на себя за это, и в результате Игорь утвердился в обратном.

Душа его замкнулась. Ей нельзя верить, нельзя распахнуть душу – можно только спокойно добиваться. Прошелестел ветерок грусти и докуки.

А Валя записывала в дневнике – красивом кожаном блокноте: «Еще месяц назад он казался мне таким интересным. Я совсем не знала его – расчетливого, недоверчивого. Еще не получив никаких прав на меня, он устраивает сцены, допрашивает, стремится ограничить мою жизнь, навязать свою волю.

Я могу заранее предсказать все его поступки. Даже целуется он с деловитостью, словно по расписанию. Он все время заставляет себя играть какую-то роль. И меня хочет заставить.

А самое разочаровывающее – мне все чаще делается скучно с ним, иногда скучно даже заранее, при одной мысли о встрече...»

– Мужчина должен совершать мужские поступки! – заявила она.

– Это какие?

– Он еще спрашивает. Безумные!

– В таком случае все мужчины сидели бы в психушках, – рассудительно отвечал Игорь.

– Для некоторых это было бы спокойнее, – буркнула Валя.

– Что?

– Ты можешь прыгнуть с моста?

– Прыгнуть могу. Удачно приземлиться на лед – не уверен.

– Ты не понимаешь, как действует на женщину, когда мужчина ради нее готов на любые безумства!

– Понимаю. А потом она выбирает того мужчину, ради которого сама готова на любые безумства.

24. Уехать в Эстонию не так просто.

В середине января морозы спали. Игорь приступил к проведению мероприятия, сулящего решительный успех. Поездка на машине в Таллинн обещала стать праздником души.

Для Вали Таллинн был – почти заграница. Там все другое. Там европейская культура. Там столько хороших вещей, необходимых женщине. (Родителям было объяснено, что они едут вдвоем с подругой.)

В юности любое путешествие – радость и открытие. Обиды и подозрения померкли, остались благодарность и предвосхищение.

– А где мы будем ночевать?

– В гостинице.

– В одном номере?

– Снимем два. Или пять.

Она долго собирала сумку: а если вечером в ресторан?.. а если в музей?.. А если вечером он придет к ней в номер, как быть?..

Проснулась утром в темноте: будильник еще не прозвонил. Сидела над телефоном, готовая:

– Доброе утро!

– Доброе утро, – ответила в полусонной нежности.

– Так через час я тебя жду в машине. На углу, как договорились. Ты как?

– Замечательно!

– Я тебя целую, милая.

– Я тебя тоже... милый... – прошептала она. Сейчас она почти любила его. Он был сильный, он все мог, мир принадлежал ему, и этот мир он дарил ей в залог своей любви.

Душ, завтрак, – она удивилась: все уже сделано, а еще полчаса осталось. Родители проснулись, поворчали ласково:

– Как только приедешь, сразу позвони.

– И не ходите нигде поздно, будьте осторожнее.

– Надеюсь, твоя Света – рассудительный человек.

– Крайне рассудительный человек моя Света, – уверила их дочь, веселясь.

Колкие кристаллы звезд дрожали, соответственно, сверху. Безобразные пространства новостроек хранили благолепную тишину и пустынность: суббота. Проковылял в колдобинах заиндевевший автобус, протрусил рехнутый приверженец бега трусцой, тряся задом.

Игорь подъехал в восемь без одной минуты: синие «Жигули» издали мигнули фарами. Открыл ей дверцу, кинул сумку на заднее сидение. Обнял, севшую рядом:

– Привет путешественникам! Вперед?

– Вперед!

В теплом салоне приятно пахло обивкой, нагретой резиной, смазкой – запах комфортной техники. Кассету в магнитофон, Раффаэлла Карра из динамиков сзади, сцепление отпускаясь, и мягко трогается машина навстречу будущему. Валя прижмурилась и улыбнулась.

Долго крутили по улицам, пробивая выход из города, мягко клонило в сторону на поворотах.

– А скоро мы доедем?

– Часа за четыре, если все в порядке. Ты завтракала? Есть хочешь?

– Завтракала. А ты? Я взяла с собой. Кофе есть в термосе, выпьешь?

– Кофе – выпью. А завтракать как следует будем в Нарве, прекрасное кафе сразу за въездом, и открывается рано; прилично готовят.

Мотор зачихал.

– Что еще такое, – произнес Игорь и убавил газ. Мелочь. Перебои продолжались. Он прибавил оборотов, потянул подсос.

Двигатель закашлял, поперхнулся и заткнулся, заглох.

У Вали резко упало настроение. Не хотелось верить ни

во что худшее, но мрачный внутренний голос предрек, что никогда не попадут они ни в какой Таллинн.

– Сейчас, – беззаботно пообещал Игорь, проворачивая стартер с нудным скрежетом...

– Зажигание, – знаяще определил он. – Ерунда. Первая поломка на трассе! – хлопнул Валию по плечу.

Полутемный Московский проспект был безлюден, вставший «жигуль» никого не интересовал. Игорь тупо воззрился под капот. Раз в пару месяцев машина отгонялась на профилактику знакомому автослесарю, чем и ограничивалось знание матчасти.

Если судить по внешнему виду, двигатель был в большом порядке. Но не работал.

– Бывает, – бодро сказал Игорь, садясь за руль и дую на покрасневшие руки. – Сейчас разберемся...

Бодрость была фальшивой. У Вали упало сердце. Он снова пытался изображать не то, что чувствовал на самом деле.

В последующие четверть часа его безуспешных попыток подчинить своей воле это поганое чудо техники, двигатель внутреннего сгорания, пассажирка в выстывающем салоне передумала о многом. О поведении водителя. О степени готовности техники. О ценах на бензин и гостиницу. Об опасностях на дорогах.

– А ты с собой много вещей взял? – вдруг спросила она.

Он взглянул с непониманием, переходящим в понятное раздражение:

– Ничего не взял. А что ты спрашиваешь?

– А переодеться вечером?

– Переодеться? Вечером? А зачем? И так нормально.

– И еды не взял?

– Да куда? Тут дороги-то...

– А зубную щетку взял?

Игорь удивился:

– Чего тебе щетка?

– Покажи, – велела она странным голосом.

Он улыбнулся:

– Знаешь, и щетку не взял. Она дешевле бутерброда; люблю ездить налегке.

– Как же ты, такой обстоятельный, такой рациональный, не взял с собой щетку?

Раздражение в такой ситуации как нельзя более естественно, и так же естественно срыгается оно на том, кто под рукой.

– При чем тут щетка! – заорал он. – Тут машина заглохла!

– И с чего же она заглохла?

– Вот и разбираюсь!

– И я разбираюсь.

– В чем ты-то разбираешься?

– В машине.

– Ты разбираешься в машине?

– Ага. Разбираюсь: заглохла или должна была заглохнуть?

До него, наконец, дошел ее тон.

– Ты что, мне не веришь?!

– А почему я должна тебе верить? Ты же мне не веришь!

«Дура, разлетелась в путешествие. Всем уже нахвасталась... И могла поверить, будто что-то для него значу. Так ему папочка и даст гонять машину за тысячу километров. Спектакль. Конечно: и впечатление произвести, и трат никаких...»

– Сейчас попробуем еще, – через силу сохранял выдержку Игорь.

Уже светлело, белесо и хмуро; с мокрой спиной и окочевшими руками он ввалился на сидение.

– Можешь не стараться, – злым и несчастным голосом сказала Валя. – Никуда мы не поедем.

– Почему это не поедем... – деморализованный, он еще упрямылся.

Когда розовые девичьи грезы рушатся в скверную реальность, от них остается чернильная лужа вроде той, что окутывает удирающую каракатицу. Валя ненавидела себя, машину, Таллинн, номер в гостинице, ресторан, а пуще всего ненавидела виновника всего этого крушения.

– Ладно, – холодно произнесла она. – Долго еще присутствовать на представлении, или зрители на сегодня свободны?

Игорь побледнел от оскорбления:

– И ты можешь... Кататься – так милый, а саночки возить – так долго ли присутствовать! А если б у меня не было машины?

В волнении, как известно, слова вываливаются сами, и не самые удачные, усугубляя несимпатичность ситуации.

— А машина и так не твоя, — расчетливо уязвила Валя. Она обрела спокойствие, словно у них была одна доза раздражения на двоих, и по мере того, как один заводился, другой успокаивался. — Она папочкина. И можешь трястись над ней, сколько угодно.

Вытянула сумку и выскочила, хлопнув дверцей.

— А катись ты к... — выкрикнул Игорь, бешеный от обиды.

Ни фига себе сходили за хлебцем, с черным юмором поздравила себя Валя, трясаясь в холодном троллейбусе.

В десять она была уже дома: с каким-то даже весельем объявила, что Светка заболела и поездка откладывается, и села перед телевизором смотреть «Утреннюю почту».

На автостанции был выходной. Пришлось звонить о поломке отцу, что также не способствовало улучшению настроения. В полдень приехал отцов приятель, машину отбуксировали к дому.

— Холодно, черт...

— Да не тянет! Ты жиклер проверял?

— Так здесь са-ахар в бензобаке!

Долго ругались, откуда взялся сахар. Машина ночевала под домом. Старая шутка, пацаны баловались.

На звонки отвечали, что Вали нет дома. Она и действительно была у подруг в общежитии: не столько читали к эк-

замену, сколько обсуждали несостоявшуюся поездку. «Морочит он тебе голову... Но будь осторожней, не упусти. – Да нужен он мне!»

А тот, кто совершил эту нехитрую диверсию, вечером поехал убедиться, что синие «Жигули» мирно ночуют на платной стоянке. Узнать о готовящейся поездке было нетрудно: Ларик с Ларисой (созвучие, да?) находились в телефонной связи (тоже неплохой оборот, вы не находите?). На звонок она сообщила:

– В субботу утром собираются на его машине в Таллинн. Желаю удачи. – И улыбнулась улыбкой врача, тактическим ходом вынудившего больного принимать требуемое лечение.

25. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

Неделю Игорь заглаживал впечатление, как занозу утюгом. Причина выглядела малоправдоподобной; поездку решили перенести, но снова ударило под тридцать, и тема отплыла в теплое будущее; иногда Валя упрекала себя в подозрительности и невыдержанности (о, как опасно упрекать себя: подсознание отпружинивает упреки, как тетива – стрелу, и уязвлен неизменно оказывается тот, из-за кого и упрекают себя).

Они возвращались вечером с концерта «Аквариума»:

– Гребенщиков – это гений, разумеется!.. – когда в темном

проходе между домами качнулись навстречу три характерные фигуры:

– Закурить будет?

Неожиданность сквозила угрозой; хотелось верить, что все обойдется, ерунда.

– Извините, я не курю, – голос Игоря прозвучал вежливее и сокрушеннее, чем хотелось бы.

– А десять рублей?

– Жалеешь?..

Центр композиции, крепыш-коротыш в кожанке и шляпе («Холодно же. Денег на шапку нет, бедный. Форсит, чем может», – успело машинально промелькнуть в голове) сунул руку в карман, там металлически щелкнуло; крайние двинулись на полшага вперед.

Валя заслонила Игоря:

– Не троньте его!

– Трогать будем тебя, – открыл коротыш.

– Чо ж – она тебя любит, а ты за нее не тянешь, – укорил Игоря крайний, явственно отводя руку для простецкого маха в ухо.

Для интеллигента всегда болезненна мысль о физической расправе. Настолько болезненна, что вытесняет прочие мысли и рефлексy и парализует. Чтоб оказать сопротивление неожиданному, опасному и превосходящему противнику – надо иметь крепкие нервы или постоянный бойцовский навык: интеллигент не имеет ни того ни другого.

Глумливые смешки и опасные жесты достигли грани кошмара: нас, сейчас, здесь, за что, не может быть, неправда! Бежать? Но вдвоем не убежишь. Беззащитность ужасала.

Валина внешность была удостоена высокой оценки в крайне унижительной форме. Игорь молчал.

– А я бы на твоём месте его не защищал, – сказал ей коротыш. – Он ведь тебя не защищает, а? Что, обосрался, кавалер?

Вслед за чем крайний навесил кавалеру в выделенное ухо, и темнота для последнего расцветилась искристым фейерверком. В секунды, пока он был оглушен, Валя ощутила безмерно оскорбительные похлопывания по местам, в лицо ей выдулась струя дешевого табачного дыма, насмешливое:

– Нич-чо, трахать можно... мотайте, чего перебздели!

И скрип снега за спиной: сцена окончилась.

Подобное унижение способно испортить мужчине всю жизнь. И пусть Валя уверяла, что Игорь молодец, не стал связываться с бандитами, показывала сочувствие, жалость, облегчение, мол, все нормально, он подыгрывал; чудовищная неловкость осознавалась непоправимой, неизбывной.

Чего испугался, терзал он себя, возвращаясь. Ну набили бы морду. А если б пырнули? Вряд ли до смерти... героем бы выглядел. Обгаженность...

– Леня, – спросила жена, – как же так выходит? Человеку говорят: ты подлец, а он отвечает действием: зато я силь-

нее тебя; и еще остается прав перед людьми. Бред! Слабый не виноват в своей слабости! А если он – хороший, умный, тонкий, добрый, любящий? Несправедливо: почему столько выгод победителю?

– Господь Бог создал людей слабыми и сильными, а полковник Сэмюэл Кольт создал свой револьвер, чтобы уравнивать их шансы, – с удовольствием процитировал Звягин.

– Горе побежденным! – воздела руки жена. – И милость к падшим призывал! А как же Христос: прощать обидчику и подставлять вторую щеку?

– Святые не имеют детей, – пожал плечами Звягин, – а человечество хочет жить. Заметь – грех тоже привлекает женщину.

– Порочная привлекательность. И чем же привлекает?

– А тем, что грешащий имеет силу, храбрость, страсть достаточную хотя бы для того, чтобы нарушать общепринятую мораль.

Величина, смысл, ценность человека определяются тем, насколько он способен переделать мир, – Звягин оседлал любимого конька – или сел на диван, смотря в какой плоскости рассматривать действие. – Вначале все было просто: побеждал сильнейший, он мог прокормить семью, продолжить род, охранить его от врагов и опасностей. Затем в преобразующую силу все больше превращался ум; недаром женщины испытывают интерес к умным мужчинам...

– Господи, как политинформацию читает, – поморщилась

жена, подруга боевая дней суровых, дух един и плоть едина.

– Молчать и слушать старших по званию, – приказал Звягин. – Тот, кто доказывает свою правоту физической силой – по-природному исконно прав: он доказывает, что значительнее своего обидчика и врага на Земле...

Победа привлекает женщину – да! Потому что доля мужчины на Земле – побеждать! Силой, умом, страстью! Выдержкой, волей! Побеждать – значит переделывать мир, оставить свой след, реализовать свои возможности. Это и есть удел и назначение человека.

Вклад женщины – принадлежать к роду победителей, продолжить его, тем самым – продолжить передел мира, обеспечить саму возможность этого передела, рожая победителей.

И женщина инстинктивно стремится к мужчине, в котором победительное начало выражено сильнее. Ведь любовь – проявление инстинкта жизни, а жизнь – это самореализация и передел мира.

– А почему любят богатых?

– Богатство – свидетельство силы человека в этом мире.

– А знаменитых?

– Слава – свидетельство значительности человека.

– А красивых? – Жена торжествующе посмотрела на замолкшего в затруднении Звягина.

– Красота – это тоже значительность, – нашелся он. – Красивый многим нравится, он замечен, ему легче идут навстречу, он ценен уже сам по себе.

Да... Так, если мужчина избит тремя хулиганами – это не поражение в глазах женщины: ну, вдвоем они сильнее физически, вот один на один – еще посмотрим. И побитый одним, но не сломленный, неукротимый, – он тоже победитель: в конце концов не он, так дети его своей неукротимостью и устремленностью добьются любой цели. А вот трусивший, отступивший – он проиграл, он слаб духом, и в глазах женщины падает. Ум и благородство на словах – дешево. Ибо трусость – означает непригодность мужчины в борьбе, которая есть жизнь, добиваться своего, оставлять след в жизни. Трус слаб всегда, потому что трусость не дает ему возможность реализовать силу. Наверное, ничто так не отвращает женщину от мужчины, как трусость.

– Ты у нас известный храбрец, – засмеялась жена.

– Чашку кофе храбрецу! – велел Звягин.

26. Не имей сто рублей.

– Одолжи у него столик, – посоветовала Лариса. – А лучше двести-триста.

– Зачем? – изумилась Валя.

– Посмотреть – даст или нет.

– Зачем? Мне не нужно. Если будет – конечно даст. Но если б и понадобилось – я не хочу брать у него, это... нехорошо...

Лариса сощурила длинные глаза:

– Если женщина для мужчины что-то значит – он рад для нее на все и с деньгами не считается. Надо знать, с кем имеешь дело. Просьба о деньгах – прекрасная проверка чувств.

Совет был неприятен: презренные уловки!.. Но – верен... Валя разыгрывала в воображении сцену: срочно продается, скажем, фирмовая куртка. А отдаст – постепенно, со стипендии, отдаст.

В Дом журналистов, место престижное, для посвященных, Игоря пускали без пропуска, здороваясь: знали. Потягивая вниз в баре кофе, Валя, невольно кося по сторонам, где обычные на вид люди запросто разговаривали о публикациях и командировках, спросила как можно небрежнее, ввернув в удобную паузу:

– Кстати, ты не мог бы немного одолжить мне?

– Сколько? – улыбнулся он готовно.

– Ерунда. Сотни две. (Улыбка его стала резиновой.) Даже полторы.

Игорю казалось, что он ничем не выдает себя.

– Прямо сейчас?

– Если можно – завтра.

Вот оно. Лариса права. Девочка рассматривает его как дойную корову. Не удержалась. Раз у него машина, раз она ему нравится – деньги и подарки разумеются сами собой.

С оттенком внутреннего презрения (ожидал, ожидал подобной просьбы) шутливо вздохнул:

– У меня нет столько в наличности.

Она как бы не придавала значения ответу:

– Ну, может быть, снимешь со сберкнижки.

Откуда она знает про его сберкнижку? Да и много ли там...

– Какие сбережения у нищего аспиранта, – вздохнул он.

– Мне казалось, ты такой бережливый, организованный, – протянула Валя, подпуская нотку разочарования. – Я бы могла взять у родителей, но они и так на меня тратятся.

«Но незачем посвящать их в мои траты», – перевел он ее слова.

Ему хотелось смягчить ситуацию, спустить на тормозах, но Валя вперилась испытующе – внутренняя неловкость нарастала.

– Ты не бойся – я отдам, – произнесла она сакраментальную фразу, пахнущую ледяным насмешливым леденцом.

«Значит, если б мне понадобились деньги, пришлось бы вот так унижаться, и после длительных раздумий и взвешиваний он бы осчастливил золотым дождем на сумму в двести деревянных. И не чувствует, что сейчас получит в рожу свой поганый журналистский кофе!»

Когда двое не понимают друг друга – непонимание взаимно.

«Значит, она уже считает естественным располагать моими деньгами? Дает понять, что не тратить больше, чем было, на такую заметную девочку – фи? Или – намек, что такая сумма сделает ее покладистой? материальный эквивалент ее

благосклонности? Да, раз богат, родители не нищие, – что ж будущей родственнице не пользоваться деньгами?»

Он опасался и вызвать презрение, и поступить неверно, и поссориться; сыграл, как всякий нерешительный человек:

– Завтра принесу, – и легко расслабил улыбку.

– А... триста сможешь? – наиграла она.

– Конечно, – проглотил он.

Сомнения ее рассеялись: конечно, откуда у него столько при себе! На миг вновь почувствовала себя влюбленной, глаза ее сказали об этом. Он щедр, добр, бескорыстен, даже не спросил ее ни о чем.

Выражение ее глаз как раз укрепило Игоря в подозрениях. Она даже не считает нужным скрывать, что рада деньгам и за деньги согласна любить его. Презренье, государь, презренье! Мелкая шантажистка, динамщица, хищная плотвичка.

Результатом мучительных размышлений явился назавтра компромисс в сто рублей.

– Извини... это все, что было у меня на книжке (вранье). И стипендия еще нескоро.

– Спасибо! Но... – Валя спрятала деньги. – Мне срочно. Мне нужно! – с чувством и значением сказала она.

Он смутился, похолодел. Нужно. На что? Лечение? Она кому-то должна? Комплекс содержанки?

– На что? – вслух произнес он.

«Вот и спросил. Вот и все благородство. Жаден, подозрителен, лжив... противен!»

Объяснение про куртку прозвучало очень детально и неубедительно. Эта неубедительность окончательно доказала несчастному, что его водят за нос, причем в неизвестную сторону водят!

– Я боюсь, что в ближайшие дни у меня не будет такой суммы, – размеренным голосом подал он отрепетированный текст.

«Вот и отказал. И дал понять, сколько именно я для него стою. Господи, да он же мелок!..»

Через несколько дней она вернула деньги с милой благодарностью, сделав вид, что все в порядке.

27. Женские преимущества.

За цепью случайностей всегда кроется чья-то воля – будь то воля провидения или конкретных лиц. Ларику нужна была Валя, Ларисе – Игорь, и две эти вполне разумные силы исподволь и непреодолимо растаскивали нашу пару в разные стороны.

Очередное конкретное лицо появилось при дружеском застолье Игоревой компании. Лицо было длинноносое, худое и слегка асимметричное. Обладательница подкачавшего лица искупала некоторый недостаток природных данных избытком французской косметики и сдержанной ослепительностью туалета – по последней парижской моде!

– Знакомьтесь – Лена, – представила ее Лариса. – Моя по-

друга. (Лицо подружки чуть поморщилось, что не приблизило его к симметрии.) Мы вместе отдыхали в Пицунде.

Лена подала руку высоко – при желании можно было счесть ее поданной для поцелуя. Игорь, помедлив, ограничился пожатием, и колебание его от Вали не укрылось.

Расселись, и Лена оказалась напротив Игоря, имея полную возможность одаривать его взглядами столь же долгими, сколь претенциозными обдавались остальные.

С дефицитов и политики речь естественно перетекла на границу.

– Когда я в последний раз была в Лондоне, англичанка, в доме которой я жила, удивлялась: «Как, вы не знаете, сколько фунтов сегодня потратили?» Я спрашиваю: «А вы знаете?» И она называет с точностью до пенса!

Лена настолько не сомневалась, что является центром компании, что ее и стали воспринимать как таковую: неоспоримые преимущества наличествовали. Красочные картины забугорья разворачивались небрежно, как надоевшие карты соседнего района:

– Но даже немецкую аккуратность нельзя сравнить с французским скупердяйством. Считают каждый сантиметр, выгадывая на всем: позвонить по телефону из гостей – вот и полтора франка экономии.

– А хороши ли француженки? – сунули неотвратимый вопрос.

– Франция и Париж – разные вещи, говорят французы.

Самые дорогие парижские манекенщицы – шведки и американки. Парижанки похожи на серых мышек... но – обаяние! но – шарм! но – макияж!..

Игорь плавал в беседе. Валя сидела на втором плане.

Зашевелились, разбрелись, начали танцевать. Игорь осведомился у Ларисы:

– Кто эта болтуня длинноносая?

– А что?

– Так. Она что, такая выездная?

– Она дочка академика Петрищева. Единственная и незаменимая, если это тебя интересует.

Слоистый дымок, розовый от торшера, уплывал в дышащую морозом форточку. Улучив минуту, Лариса шепнула Вале:

– Не ревнуй: это чисто деловой интерес.

– Да?

– Он строит карьеру, а Леночкин папа при желании может все устроить в два счета.

– Что – все?

– Хорошее место, докторскую в тридцать лет, кафедру...

– Но, видимо, он стал бы стараться лишь для собственного зятя?

Лариса замаялась; пропустила смешок:

– Ты ведь не допускаешь, что он променяет тебя на такую..?

– Боюсь, мне нечего противопоставить ее преимуще-

ствам.

Вечер был разбит. Осколки составили новую картину, как стекляшки калейдоскопа.

Вообще для того, чтобы соперник потерпел фиаско в любви, не надо прикладывать никаких дополнительных усилий. Достаточно лишь обратить внимание на ошибки, которые он обязательно наделает (как делает их каждый). Подожди, пока он сам выроет себе яму.

Игорь продолжал рыть себе яму с усердием китайского землекопа.

– Вы меня проводите? – спросила (позволила! предложила?) Лена. Он слегка засуетился на месте.

В голове всегда есть место расчету – в первом ли ряду, в пятом ли... Карьера для аспиранта! Цепь поступков уже рисовалась ему. Другое дело – он отнюдь не был готов совершить их все. «Если бы...» – мечтания обычные: если б женился на дочке министра, если б вылизал тому-то... Большинство «если» сразу и навсегда переходят в область нереализованных возможностей: нельзя винить человека в том, что разум его отмечает реальные средства для достижения цели; так мысль о подлости не равна ее совершению.

Но для Вали подлость его высветилась, как прожектором. Заискивать перед уродиной!.. А что – удачный брак, родители в восторге, и чтоб подняться на ступеньку вверх, изволь спуститься на голову вниз. Как видим, мысль ее изрядно опережала события – что и свойственно горячей юности.

Игорь пошел провожать Лену до такси, чувствуя себя обольстителем с той стороны, что была обращена к ней, и предателем – с той (задней!), что была обращена к Вале. «Ничего страшного, подумаешь. Перетопчешься!»

Можно любить бандита, подлеца, но не лакея!

Когда он поднялся обратно, ее уже не было.

28. Как теряют батальон.

- Девочка хорошая, но надоела.
- На вид она недотрога.
- Черти в тихом омуте.
- Это пикантно. И долго ты ее приручал?
- Три вечера.
- Совсем ручная?
- Абсолютно. Исполнение всех фантазий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.